

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕВРЕИ

ПРОЛОГ

Его собственная политическая карьера, казалось, текла среди водоворотов еврейской истории.

Мартин Гилберт

Личность влияет на ход истории. Иногда в очень сильной, а порой и в определяющей степени. Это факт, который косвенно признали даже марксисты, на словах эту роль отвергавшие, но на практике при этом установив культ личностей Маркса, Ленина, Сталина и других, классом ниже, именно за их роль в истории.

А что влияет на поведение личности? Что формирует её мотивы? Увы, это частенько бывают мифы и/или собственные заблуждения. Скажем, у Гитлера – одни, у Черчилля – другие. И только Сталин до конца имел трезвый ум, оставаясь во всём чистым прагматиком и не поддаваясь даже мифологии марксизма, толкуя её на свой лад по мере необходимости.

Чтобы глубоко проникнуть во внутренний мир Черчилля, постичь набор его мифологем, мотивы его политической деятельности, приходится начать с рассмотрения темы “Черчилль и евреи”. Одноимённая книга Мартина Гилберта оказывает в этом деле поистине неоценимую помощь. Но не только она. В последнее десятилетие опубликованы и другие исследования, посвящённые углублённому анализу отношений Черчилля, евреев, Израиля и т. п. Я имею в виду, в первую очередь, монографию гарвардского питомца Майкла Маковского “Черчилль и Земля Обетованная: сионизм и политика”¹ и биографию Черчилля, написанную профессором Иерусалимского университета Норманом Роузом².

Откровенность всех этих новейших исследований не всем пришлось по вкусу. Видимо, в некоторых кругах созрело понимание того, что пропагандируемая ими неприкрытая и действенная юдофилия Черчилля, приведшая его ещё в юности в лагерь сионистов, корректирует его биографию в нежелательную сторону в глазах массового читателя разных стран. И вот уже отмечаются активные попытки дезавуировать эту точку зрения. В частности, в журнале “Лехаим” за ноябрь 2009 года появилась статья трёх авторов сразу (Станислав Кожеуров, Иван Фадеев, Алек Д. Эпштейн) под названием “Уинстон Черчилль и сионизм: история метаний”. Пафос статьи задан фразой: “Хотя Черчилль порой то ли всерьёз, то ли в шутку называл себя “сионистом”, его реальная политика на протяжении более чем тридцати лет доказывает, что его

проеврейские и просионистские высказывания зачастую оставались не более чем риторикой”³. Основной аргумент — Черчилль-де сделал недостаточно для предотвращения Холокоста или хотя бы уменьшения его масштабов. Ниже я подробнее остановлюсь на этой сомнительной идее.

Ну, а пока я хотел бы ознакомить читателя с историческими фактами, почерпнутыми в литературе и архивах, красноречиво убеждающими нас в том, что Черчилль отнюдь не ограничивался риторикой (хотя устное и письменное слово всегда было его главным оружием политика, в полном соответствии с британской традицией). Нет, он был настоящим борцом за дело сионизма, за права и интересы евреев, убеждённым, настойчивым, упорным, не знающим усталости и каких-либо нравственных ограничений, использующим любые средства в борьбе. Именно таким предстаёт он осведомлённому читателю, нравится это кому-то или нет.

Я отдаю предпочтение книге Гилберта как источнику, поскольку она есть плод колоссального и добросовестного труда, вобравший в себя огромный фактический материал, почерпнутый автором за сорок лет не только в очень многих журнальных и газетных статьях и заметках, книгах и монографиях, но и в государственных и негосударственных архивах, а также в личных собраниях писем и документов видных исторических деятелей эпохи⁴. Однако выяснилось, что на один и тот же факт можно смотреть с очень разных точек зрения, и тогда его оценка способна измениться на прямо противоположную. В итоге книга оказалась наделена огромной разоблачительной силой, на корню уничтожающей симпатию к Черчиллю у любого, кто не является евреем и не потерял способность самостоятельно мыслить. Как в инфракрасном излучении, она позволяет заглянуть за слой краски и лака, нанесённый благодарными современниками и потомками, чтобы увидеть подлинный инфернальный облик этого политического деятеля. Гилберт проделал для этого всю необходимую работу, надо лишь посмотреть на его труд под несколько иным углом и немного переставить акценты⁵.

Миф Черчилля о евреях

Итак, у Черчилля, безусловно, был свой миф, которым он слишком во многом руководствовался в своих мыслях и поступках, — и как частное лицо, и как государственный деятель. Это миф о евреях. Конечно, Черчилль, очень прагматичный и рациональный во всём, всегда зависел от еврейской поддержки — еврейских денег или от денег, добываемых для него евреями. Конечно, он понимал, как никто другой, также политическую силу евреев и делал на них осознанную ставку. Но была у Черчилля и большая подлинная любовь к евреям — иррациональное чувство, двигавшее им. Оно зиждилось на вышеупомянутом мифе.

Это иррациональное увлечение возникло ещё в детстве и проявилось необычно и сильно. “С самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учёбы в Харроу он тщательно изучал Ветхий завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось “Палестина во времена Иоанна Крестителя”. Описывая фарисеев, он просил своего читателя, — в данном случае им был его преподаватель, — не быть слишком строгим по отношению к этой “жестокой” еврейской секте. “У них было множество недостатков, — писал он и тут же добавлял: — А у кого их мало?” (13). Странноватая позиция для юного христианина, весьма отдающая предательством, не так ли? Ведь, как известно, именно фарисеи настояли на распятии Иисуса Христа. Ну, распяли и распяли, зачем же строго их судить за это, в самом деле...

Запомним этот эпизод черчиллевской измены своим ради чужих, он будет не раз повторяться в другое время, в других обстоятельствах и по другим поводам, но останется прежним по сути.

Религия и мораль находятяся, как понимает читатель, в нерасторжимой связке, они зачастую не могут существовать друг без друга, поскольку религия есть высшая санкция морали. Отстраивая и затем отстраивая свой миф о евреях, Черчилль, находясь в 1921 году в Иерусалиме, смело утверждал: “Мы в долгу перед евреями за возрождение системы этики в рамках христианского вероучения. Эта система, даже если её полностью отделить от сверхъестественного, была самым драгоценным сокровищем человечества,

равноценным плодам всех других учений, соединённых вместе. На основе этой системы и этой веры на развалинах Римской империи была построена вся существующая цивилизация” (375). О том, что Христос решительно отвергал, опровергал еврейскую этику, представленную тогда и потом именно фарисеями, а евреи в целом как раз-таки жёстко и необратимо отвергли этику Христа, Черчилль, разумеется, промолчал. Евреи для него уже прочно стояли вне критики.

Между тем, в этой речи, ставшей весьма популярной, Черчилль лишь повторил одну из идей своей не самой известной статьи “Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа”, опубликованной в “Санди геральд” ещё 8 февраля 1920 года. В ней он опирался на тезис знаменитого еврея Бенджамена Дизраэли⁶, который стал не только премьер-министром Англии, но и лидером партии консерваторов: “Господь Бог так относится к другим нациям, как эти нации относятся к евреям”. В сущности, этот тезис — не что иное, как изложение верховного принципа Торы о еврейской исключительности, еврейском превосходстве, еврейской богоизбранности. Как видим, Черчилль как политик уже в молодые годы вполне уверенно апробирует этот принцип. Ему он следовал всю жизнь.

Увлечение Священной историей (иными словами, историей древних евреев) затянулось у Черчилля надолго, оно упорно не покидало его. Уже 55-летним, в 1931 году он вдруг пишет эссе о главном пророке ветхозаветных евреев — Моисее; эссе публикуется в “Санди кроникл” 8 ноября 1931 года. Там автор выражает полную уверенность в том, что Моисей был не просто “легендарной фигурой”, придуманной ради пользы дела. Он заверяет: “Мы верим, что научные взгляды и концепции окажутся в полной гармонии с буквальным толкованием Библии и надёжно свяжут имя Моисея с одним из грандиознейших скачков, отмечаемых в человеческой истории”. Мало того: “Это бродячее племя... ухватило и провозгласило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима... Моисей был величайшим из пророков, говорившим лично с Богом Израиля” (123). Мог ли Черчилль при таком подходе сомневаться в богоизбранности евреев? Скорее, он свято верил в неё.

Подобные мысли сопровождали Черчилля всю жизнь, он придавал им чрезвычайно большое значение, хотя и был полным дилетантом в библеистике, а вёл себя зачастую и вовсе, как безбожник. Спустя ещё тридцать лет, уже 85-летним, он подарил как ценный раритет и дорогой его сердцу сувенир один печатный экземпляр своего эссе премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Черчилль вообще много говорил и писал о евреях. Настолько, что даже не всё, им написанное, попало в печать. Так, лектор Кембриджского университета Ричард Той неожиданно отыскал неопубликованную статью бывшего британского премьера о причинах гонений на евреев. Статья “Как евреи могут бороться с гонениями” была написана в 1937 году, в ней Черчилль говорит о том, что не только “злоба гонителей” является причиной плохого обращения с евреями на протяжении веков. Главным в отношении нееврея к еврею Черчилль называет то, что он “другой”: “Он выглядит по-другому. Он думает по-другому. У него другие традиции и корни. Он отказывается быть принятым”, — писал будущий глава правительства, подчёркивая инаковость настоящего еврея и еврейское стремление к самоизоляции. Это был достаточно глубокий взгляд, ведь евреи недаром говорят сами о себе словами Торы: “Вот народ, который живёт отдельно и среди народов не числится”. И не случайно во всех странах рассеяния, где только ни возникла еврейская диаспора, она немедленно создавала свои закрытые для неевреев зоны — гетто, где и проживала замкнуто по своим законам и установлениям, подчиняясь кагалу и тайному национальному суду Бет-дин, действующему параллельно и независимо от суда страны проживания⁷. Такие наблюдения Черчилля говорят о том, что он не напрасно интересовался с детских лет еврейским народом и хорошо разглядел его специфику. “Евреи представляют собой счастливую общину, — писал он ещё перед Первой мировой войной, близко познакомившись с жизнью евреев Манчестера, — потому что среди них царит корпоративный дух их нации и вера” (376). Под обаянием этих впечатлений от национальной солидарности, спайки евреев между собой он находился всю жизнь.

Чем, кроме этого обаяния, можно объяснить, например, такие его рассуждения, вполне типичные для еврейской национальной мысли, но отвергаемые, как правило, нееврейским учёным сообществом: “Есть народы,

насчитывающие сотни миллионов человек, но оказавшиеся при этом неспособными произвести из своей среды хотя бы одного лауреата Нобелевской премии и сейчас благоденствующие за счёт гениальных открытий евреев” (355). Поистине, не каждый еврей отважится на такое заявление, каким, не отводя глаз, мог козырнуть британский премьер!

Или вот: в ответ на упрек профессора Реджинальда Капленда, что палестинские арабы поставлены перед властями Великобритании в неравноправное положение по сравнению с евреями, а потому “чувствуют к себе холодность со стороны британских властей”, Черчилль резко ответил: “Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе” (153). Ему-то явно были ближе евреи, и он не только “не скрывал своих предпочтений”, но хотел навязать их и парламенту, и правительству, и всей Англии, и всем англичанам. И все они, в конечном счёте, расплатились за это так жестоко, как только возможно.

Весьма характерным можно считать признание Черчилля 12 марта 1941 года, которое он сделал ведущему сионистскому лидеру Хаиму Вейцману, которого он сравнивал с библейскими пророками, в то время как у евреев-современников Вейцман пользовался прозвищем “царя иудейского”. Черчилль на той встрече сказал, что им нет нужды долго разговаривать, потому что их мысли “на 99 процентов идентичны”. И что, когда бы они ни встретились, у него “переворачивается сердце”. Он заверил также, что “никогда не подведёт” Вейцмана (229). Это обещание он держал с самого момента их знакомства и до конца. Ибо обманывал многих и часто, но никогда — евреев.

Когда Великобритания официально признает, наконец, Израиль, Вейцман, избранный первым президентом нового государства, направит именно Черчиллю благодарственную телеграмму. И Черчилль, ответив: “Я с удовольствием вспоминаю всё наше долгое сотрудничество”, — припишет затем от руки: “Свет разгорается...” (342).

Гилберт, делая вывод о взаимоувязанности всей биографии Черчилля с еврейской темой, подчёркивает: “У него были коллеги-евреи и помощники-евреи. Он восхищался крупными историческими фигурами еврейского происхождения. Он сам совершенно ясно сказал во время обсуждения английским обществом проблемы еврейского терроризма в Палестине: “Еврейский народ весьма хорошо знает, что я его друг” (378). Уточню: еврейский терроризм, о котором идёт речь, был обращён против англичан, и такое признание поистине дорогого стоило. Оно было сделано другу-еврею в доверительной беседе, в то время как публично Черчилль вынужден был осуждать акты террора против британцев (12). На чьей же стороне в действительности был влиятельный политик, которого все по сей день считают защитником интересов Великобритании? Более подробный разговор об этом впереди, он не оставит у читателя и тени сомнений⁸.

Кто был для Черчилля своим, а кто чужим? Парадоксально, но свою собственную идентичность политик определял порой довольно неожиданно и своеобразно. Однажды он заявил фельдмаршалу сэру Уильяму Слиму, главе генерального штаба: “Фельдмаршал, посылая вас в Египет, я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство: сам я сионист, и я хочу, чтобы вы исходили в своих действиях из этого” (354–355). Хорошая инструкция представителю военной мощи Британии от британского премьер-министра, не правда ли?

Подобные признания делались им не раз и не случайно. Весной 1946 года Черчилль находился в Соединённых Штатах. 18 марта он был почётным гостем на обеде, данном Бернардом Барухом в Нью-Йорке⁹. Один из присутствующих, видный экономист Элиша Фридман, на следующий день написал Черчиллю: “Вы глубоко тронули меня, сказав, что вы сионист” (308). Возвращаясь из Соединённых Штатов на борту лайнера “Куин Мэри” и знакомясь со списком пассажиров, Черчилль узнал, что на борту находится Барнет Джернер, с которым он двадцать лет назад работал в комитете в поддержку сионизма в палате общин. Он пригласил Дженера на чашку кофе в свою каюту, и первыми его словами при встрече были: “Я сионист” (349)...

Наконец, в ходе официального визита в США во время своего второго премьерства летом 1954 года, отвечая на вопросы корреспондента на пресс-конференции, Черчилль вновь заявил: “Я сионист”.

Вот так манера представляться! Никто Черчилля за язык не тянул, таково было его свободное самоопределение. Надо, разумеется, иметь в виду, что

сионизм — это не только движение за переселение евреев всего мира из стран рассеяния в Палестину, как иногда приходится слышать от его апологетов. Это ещё и светская разновидность доктрины еврейского превосходства, имеющая религиозную основу, но секуляризованная в XX веке. Именно из-за этой особенности Генеральная Ассамблея ООН в своей знаменитой Резолюции № 3379 от 10 ноября 1975 года приравняла сионизм к расизму и расовой дискриминации¹⁰. Но это было уже после смерти Черчилля, так что он ещё не слишком рисковал своей репутацией, делая такие заявления насчёт самого себя. Однако и пройти мимо них честному историку невозможно.

Такого же рода свидетельств о том, сколь привилегированное место занимали евреи в уме и душе Черчилля, очень много, и об этом были отлично осведомлены его современники, как враги, так и друзья. К примеру, Гилберт вспоминает, как 1 сентября 1969 года он “провёл целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом — генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте”. Убедившись, что Гилберт намерен создать полный и достоверный портрет Черчилля, Спирс доверительным тоном произнёс: “Даже у Уинстона был один недостаток — он был слишком привязан к евреям” (11).

“Привязанность” — это не холодный политический расчёт, который может легко быть изменён в изменившихся обстоятельствах. Тут уж, как говорится, сердцу не прикажешь. В этом нас убеждает весь жизненный путь сэра Уинстона.

Семейная традиция — чисто английский фетиш

Интересно выглядит Уинстон Черчилль со своими представлениями о еврействе не только сам по себе, но и в рамках семейного портрета.

Симпатии Черчилля к евреям были так велики, так откровенны и так необъяснимы, что в наше время в Израиле была даже сделана попытка приписать ему еврейское происхождение по его матери, леди Рэндольф Черчилль, урождённой Дженни Джером. Стремление найти объяснение его чрезвычайной юдофилии через поиск еврейских корней более чем естественно. Эту попытку предпринял в 1993 году Моше Кох, якобы выяснивший, что отец Дженни, американский финансист и бизнесмен Леонард, изначально носил фамилию Якобсон, которую сменил затем на Джерома. Но на самом деле линия Джеромов может быть прослежена вполне чётко с 1717 года, когда эмигрант Тимоти Джером высадился на берег Нового Света¹¹, так что версия о еврейской крови в жилах Черчилля не может считаться подтверждённой.

Зато отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль — уж это совершенно точно — “был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой” (13). Другья и знакомые из числа англичан даже подтрунивали над ним за это, иногда с грубоватой прямотой. Но сын преклонялся перед памятью отца и даже опубликовал в 1906 году его двухтомную биографию, а также назвал в его честь своего сына. “Когда-нибудь я стану государственным деятелем, таким же, как мой отец”, — делился он юношеской мечтой со своим врачом. Поэтому неудивительно, что пример, поданный досточтимым родителем, среди прочего, в отношении евреев, был Уинстоном воспринят и усвоен. Таким образом, его зависимость от евреев началась ещё до вступления во взрослую жизнь и даже без его воли.

Между тем, “евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был “Нэтти” Ротшильд — первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем — членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кёльне сэр Эрнест Кассель — банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII” (14). “Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьём доме в Ганнерсбери неподалёку от Лондона он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии, с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил... Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии

бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне” (15). Поистине, не имей сто рублей, а имей сто таких друзей, как у папы Черчилля.

Рэндольф Черчилль умер от сифилиса, оставив после себя долги, когда Уинстону было всего 21 год. (Жить в долг было для Рэндольфа привычкой – недаром при его вступлении в брак будущий тесть, богач, был вынужден внести за зятя 2000 фунтов и в дальнейшем настоял на раздельном пользовании супругов капиталами.) Мать Черчилля, красotka, известная в свете своими внебрачными романтическими отношениями с весьма высокопоставленными любовниками, – помимо Берти, принца Уэльского, в их число входили чешский аристократ Карл Кински, король Сербии Милан IV Обренович, сэр Уильям Гордон-Камминг, граф де Брейтель и др., – не могла, однако, содержать семью на должном уровне. Юный Уинстон оказался в нелёгком положении. К счастью для него, отец оставил в наследство ему не только финансовые затруднения, но и своих еврейских друзей. О том, как это помогло Уинстону выжить, расскажу ниже.

“После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе” (16). Черчилль очень дорожил этими отношениями и не только сам берётся чего-либо, могущего бросить на них тень, но и всю семью (как старшее, так и младшее поколение), если так можно выразиться, перевёл на юдофильские рельсы.

В частности, вот примечательный эпизод. В 1906 году кузен Уинстона, девятый герцог Мальборо, возмущен рецензией в газете “Дейли телеграф”, разнёсшей в пух и прах двухтомное сочинение Черчилля о своём отце. Весьма влиятельную газету редактировал еврей, Генри Леви-Лоусон, и оскорблённый читатель направил ему гневное письмо, а копию – Уинстону, написав при этом: “Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают”. Он добавил, пытаясь вразумить кузена: “С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами”. Но Черчилль не последовал его примеру. Он не внял голосу родни и даже не откликнулся, явно не желая осложнить свои отношения с еврейским сообществом Англии и сделав потому вид, будто ничего не произошло, проглотив оскорбление памяти отца и своего собственного труда (28).

А вот не менее показательный случай: в 1907 году в своём письме Черчилль поучает родную мать, предостерегая её против включения в свои мемуары антисемитского, как ему казалось, пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене: “Я не думаю, что история про Гошена заслуживает опубликования. Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще” (18–19).

Всю жизнь Черчилль неустанно стремился не просто пестовать, но и преумножать свои еврейские связи, и вся семья помогала ему в этом. К примеру, особые отношения его матери с новым королём Эдуардом VII, сложившиеся ещё в бытность того принцем Уэльским, обогатили Черчилля знакомством с несметно богатым выходцем из Багдада, евреем-сефардом Реуэном Сассуном. Его племянник Филипп Сассун (в матери которого, кстати, текла кровь Ротшильдов), ставший впоследствии министром общественных работ, а там и министром авиации Великобритании, сделался довольно близким другом Черчилля и нередко принимал его в своём поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша.

Не только свою мать, но и жену, и сына, и дочь Черчилль старался держать в орбите дружеских, близких отношений с евреями. Характерен такой, например, эпизод из его биографии. Оказавшись после войны временно не у дел, Уинстон засел за книгу “История англоязычных народов”, в которой особое внимание уделил знаменитому британскому политику еврейского происхождения Бенджамину Дизраэли, графу Биконсфилду. Работая над посвящённой ему главой, он в течение нескольких месяцев жил на принадлежавшей его еврейскому другу и сотруднику Эмери Ривзу вилле “Да Пауза” на юге Франции, где по вечерам играл в свою любимую карточную игру безик с баронессой Жанной де Ротшильд, супругой венского богача Ротшильда. В работе над книгой ему помогал специально приехавший во Францию молодой еврей Морис Шок, преподаватель Университетского колледжа в Оксфорде. А в те же дни супруга экс-премьера Клементина Черчилль находилась на высокогорном швейцарском курорте Санкт-Мориц, где водила дружеское знакомство с нью-йоркским евреем Льюисом Эйнштейном (364).

Черчилль даже свою родную дочь показательно назвал Сарой, что, конечно же, не могло не вызвать одобрительной улыбки у его еврейских друзей. (Именно ей, кстати, сэра Уинстон доверит со временем зачитать его послание во время торжественного заседания в Карнеги-холле 29 апреля 1952 года по случаю четвёртой годовщины независимости Израиля.) Но тут любящий отец попал в ловушку, сотворённую собственными руками, потому что семейная юдофилия Черчиллей обернулась для него неприятным сюрпризом, когда любимая дочь достигла двадцатидвухлетнего возраста.

В чём суть этого дела? А суть в том, что дочь Черчилля Сара в 1936 году сбежала из дома с очаровавшим её Виктором Оливером фон Самеком – тридцативосьмилетним евреем, дважды разведённым актёром и пианистом, выступавшим на радио с комическими номерами и более широко известным под своим сценическим псевдонимом Вик Оливер. Черчиллю пришлось смириться с этим фактом. Со временем Сара вышла-таки замуж за Оливера (это был первый из трёх её браков), а Черчилль приобрёл зятя-еврея. А ещё два года спустя Черчилль обратился к постоянному помощнику министра внутренних дел с просьбой предоставить зятю британское гражданство. “Хотя, – пришлось признаться ему в своём ходатайстве, – первоначально я был против его брака с моей дочерью” (174–175). Но деваться политику-сионисту было некуда: ведь это всё были плоды его воспитания, следствие семейной атмосферы.

История эта станет понятнее российскому читателю в своём психологическом содержании, если вспомнить, что дочь замечательного российского актёра и режиссёра Никиты Михалкова вышла замуж за грузина, несмотря на огорчение отца. Но кто же виноват в этом? Ведь Михалков так долго и так широко сам уверял всех в том, что русским может считаться любой, кто любит Россию... В решающий момент ему нечего было возразить против выбора дочери. Ещё ближе по аналогии к черчиллевской ситуации пример академика Дмитрия Лихачёва, чья дочь также вышла замуж за еврея, после чего академику пришлось по поводу и без него делать громкие анти-антисемитские заявления, хотя никто его к тому не вынуждал...

Что ж, семейные узы – дело нешуточное. Теперь Черчилль оказался через свою легкомысленную дочь (она многое делала вопреки отцовской воле, включая выбор профессии актрисы и танцовщицы, а также склонность к алкоголю) привязан к евреям так крепко, как никогда.

Впоследствии он и сына принёс на тот же алтарь. Ещё до войны Рэндольф вошёл в число почётных членов президиума еврейской молодёжной организации “Маккаби”. А уже во время войны, в 1944 году, заброшенный с парашютом в Югославию к маршалу Тито, Рэндольф Черчилль действовал там как связной Еврейского агентства (Сохнут, в 1920 году возглавленный Хаимом Вейцманом). Год спустя в Лондоне Рэндольф Черчилль отчитывался Вейцману о том, как “пытался спасти 115 евреев в Югославии” (260–261). Несомненно, и в этом рискованном выборе рода деятельности сказались еврейские связи и симпатии, традиционные для семейства Черчиллей.

О том, насколько эти симпатии были безотчётны и глубоки, говорит поразительный факт: в годы Второй мировой войны не кто-нибудь, а Виктор Ротшильд, незадолго перед тем ставший третьим бароном Ротшильдом, лично занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда (14). Не соплеменнику-англичанину, а именно еврею-инородцу доверил Черчилль свою жизнь! Может ли найтись свидетельство более многозначительное и выразительное?

Что ж удивляться, если сын Уинстона Черчилля Рэндольф, отлично осведомлённый обо всех этих обстоятельствах, написал в примечании к первому тому официальной биографии отца: “Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями” (16). Как указывал ещё М. Попов в “Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке” (1907), гой – это “общее еврейское название для всех не евреев; гой звучит с оттенком презрения”. Если это и юмор, то, признаться, довольно специфический. Английский?

Не только сыну, но даже и внуку экс-премьера (тоже Уинстону и тоже военному корреспонденту и политику) передалась юдофилия как родовое свойство семейства Черчиллей. Совместно со своим отцом Рэндольфом (сыном сэра Уинстона) он написал и издал в Иерусалиме в 1975 году книгу

“Шестидневная война”, проникнутую пиететом перед Израилем, который они именуют “одной из наиболее достойных восхищения стран”. Таким образом, перед нами, как минимум, четыре поколения одной семьи, в основе менталитета которой лежит осознание еврейского превосходства.

Разумеется, потомственные любовь, восхищение, почитание, привязанность и другие подобные чувства по отношению в евреям ни в коем случае не являются чем-то предосудительным для кого бы то ни было. Даже для государственного деятеля. Во всяком случае, если эти чувства искренни, бескорыстны и не вступают в противоречие с долгом перед родиной. Сердцу ведь, как уже сказано, не прикажешь.

Я склонен думать, что в случае с Черчиллем всё именно так и было, по большому счёту. Но вместе с тем, вряд ли кто-то станет оспаривать, что Черчилль менее всего был идеалистом, политиком не от мира сего. А равно вряд ли кто-нибудь рискнёт утверждать, что он не учитывал вполне земные и конкретные обстоятельства, делающие еврейство значительной финансово-экономической и политической силой.

Попробуем посмотреть на дело с этой точки зрения: не выяснятся ли некие важные подробности, проливающие свет на жизненный выбор и жизненный путь “величайшего британца”, как именуют Черчилля его соотечественники?

Но для начала попробуем разобраться и понять, что представляло собой еврейское сообщество в Англии времён Первой и Второй мировых войн, когда решались судьбы Европы, а с нею и всего мира. Каким был общественный и политический вес британского еврейства – хотя бы в самых общих чертах?

Очерк английского еврейства

В 1320 году после ряда ожесточённых погромов евреи были изгнаны из Англии, как из многих национальных государств средневековой и возрожденческой Европы, начиная с Древней Руси (1113) и до Испании (1492). О причинах этого здесь не сужу. В течение трёх с половиной столетий этот запрет не нарушался, евреев в Англии не было. Но в эпоху Кромвеля, остро нуждавшегося в средствах, амстердамский еврей Мейнаше Бен-Израэль обратился к диктатору с предложением снова разрешить евреям свободный въезд из-за границы, и тот в 1655 году успел разрешить группе евреев не только въехать в Альбион, но и приобрести земельные участки для кладбища и синагоги. Переселение евреев в Англию шло вначале из Португалии и Испании, где их заставляли принимать христианство (т. н. марраны), а с XVIII века – также из Италии и Франции. К 1850 году евреев в Англии насчитывалось уже около 45 тысяч человек, это была богатая и влиятельная группа. В 1847 году барон Лайонел Ротшильд был избран в парламент Англии от лондонского Сити, а сэр Соломон в 1855 году был избран лорд-мэром Лондона. В 1866 году, впервые за всю историю Англии, еврею барону Ротшильду было пожаловано звание лорда. А уже Бенджамин Дизраэли дважды, в 1868-м и 1874 годах, становится премьер-министром, а в 1876-м – графом Биконсфилдом и членом палаты лордов. И т. п.

Резкие изменения в истории еврейской общины начались, когда в Англию из переполненной евреями российской черты оседлости хлынул поток еврейских эмигрантов: с 1881-го по 1906 годы въехало более 370 тысяч евреев. Образовались немалые еврейские анклав (в частности, гетто в Манчестере), где, как это всегда и везде бывало, жизнь текла по еврейским правилам. Опираясь на мощно возросшую диаспору, еврейские финансисты, предприниматели и связанные с ними политики стали массово занимать высокие места в истеблишменте Великобритании.

К 1920-м годам, когда Уинстон Черчилль получил довольно широкую известность как политик, внушительное еврейское лобби уже имело солидную историю и опиралось на ряд крупных фигур. С тех пор как Дизраэли стал занимать высшие должности в английском государстве и, пользуясь этим, провёл в 1858 году билль о допущении евреев в парламент, общественная жизнь Великобритании существенно и необратимо изменилась, наполнившись еврейским присутствием.

К примеру, даже одна из основных английских партий – либеральная – долгое время возглавлялась евреем Гербертом Сэмюэлем. Племянник президента Союза еврейских общин Англии Стюарта Сэмюэля, он был избран

депутатом в английский парламент в 1902 году и считался одним из лучших теоретиков либерализма. В 1905 году Сэмюэль занял пост вице-министра внутренних дел, с 1918 года по 1920 год был председателем Королевской статистической комиссии. А в 1920 году он был назначен верховным комиссаром Палестины и занимал этот пост до 1925 года.

Легендой британских евреев был сэр Руфус Айзек. Аптекарь-ученик, сбежавший из дому, чтобы стать судебным юнгой, впоследствии сделался популярным адвокатом. В 1904 году этот видный поборник либерализма впервые вошёл в палату общин. Но затем стал лордом верховным судьёй и как барон Ридинг-оф-Эрлей вступил в палату лордов, превратившись потом, последовательно, в английского маркиза и ближайшего друга и конфиденанта короля Георга. Наконец, в 1919 году он занял самый высший пост после английского короля, став вице-королём Индии. Будучи самым младшим из двадцати семи маркизов Британской империи, он, однако, имел ни с кем не сравнимое влияние на политику британской империи.

Еврей Альфред Монд, он же лорд Мельчетт, был прозван в Англии “фельдмаршалом британской промышленности”, “химическим королём Англии”. Заправляя десятками компаний и ворочая десятками миллионов фунтов стерлингов, он был членом британского парламента с 1905-го по 1928 год, побывал также министром здравоохранения и был возведён в достоинство пэра. Но для нас он интересен тем, что был ярким приверженцем сионистского движения, председателем Сионистской Федерации в Англии и председателем Совета “Еврейского агентства”, во главе которого стоял Хаим Вейцман.

Еврей Лео Эмери побывал за свою жизнь военным министром, министром колоний в правительстве Болдуина (являясь горячим сторонником создания “духовного еврейского центра” в Палестине, обернувшегося со временем созданием государства Израиль). В 1927 году журнал “Тайм” отнёс его к наиболее влиятельным членам кабинета. При Черчилле, с которым он вместе учился в Харроу-скул, он в 1940 году был назначен министром Индии, сосредоточив в своих руках большую власть.

К числу влиятельных евреев черчиллевской эпохи относится Лесли Исаак Хор-Белиша, барон Девенпортский. Учился в Оксфорде, в 1923 году был избран членом палаты общин от Девенпорта, а уже в 1931-м стал председателем Национальной либеральной партии и вошёл в правительство в качестве финансового секретаря казначейства. В 1934–1937 годах он был министром транспорта, в 1937-м занял пост военного министра. Был в числе членов кабинета, настоявших 2 сентября 1939 на немедленном объявлении войны Германии. В мае 1945 года Черчилль предложил Хору портфель министра национального страхования.

Список можно продолжить. Но гораздо более обширным может оказаться перечень крупных политиков и бизнесменов чисто английского происхождения, связанных с евреями родственными связями или опирающихся на евреев как ближайших помощников. Так, крёстным отцом одного из сыновей военного министра Джозефа Купера стал Отто Кан, совладелец банкирского дома “Кун, Леб и К°”, финансировавший большевистскую революцию в России. Наследник лорда-председателя совета министров виконта Галифакса женился на внучке Ротшильдов. Отец премьер-министра Невилла Чемберлена своей карьерой был обязан еврейской поддержке, почему и разделял идею сионистов о переселении евреев в Палестину. Сводный старший брат Невилла Чемберлена Остин какое-то время пользовался репутацией главы мирового еврейства. Родной брат министра торговли сэра Уолтера Ренсимена женился на еврейке Леман, а товарищ морского министра Стэнли женился на одной из Ротшильдов; родная сестра министра торговли Оливера Стэнли вышла замуж за одного из Ротшильдов, а министр пенсий Гервальд Рамбошам женился на еврейке де Штейн, причём его секретарём состоял сэр Эдер Хор, отчим военного министра еврея Хора-Бейлиша. Личным секретарём премьера (в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937) Стэнли Болдуина был еврей Фрей; личной секретаршей лидера лейбористов и премьер-министра (в 1924 и 1929–1931) Макдональда — еврейка Розенберг. Постоянным секретарём лорда-канцлера виконта Хейлсхема был еврей сэр Клод Шустер, а его родной брат, сэр Малкольм Хог, был женат на дочери еврейского магната Гомертса.

И так далее. Министры, лорды, пэры Британии еврейского происхождения стали обыденной реальностью к моменту вхождения Черчилля в высшие

слои английской политической сферы и бизнеса. Так что Черчилль, оглядываясь вокруг себя, видел вполне однозначную картину еврейского могущества и влияния и мог делать соответствующие выводы хоть каждый день. Он их и делал, соревнуясь со многими другими сообразительными политиками своего отечества.

Удивительно ли, что некоторые журналисты окрестили Англию в XX столетии “мечом Израиля”, а глава Британской Имперской фашистской лиги Арнольд Лиз (1878–1956) как-то назвал Лондон “Новым Иерусалимом”. “Мы призываем Его Величество короля Георга VI, — писал Лиз накануне войны, — к тому, чтобы он раз и навсегда положил предел дьявольским триумфам еврейского дракона для того, чтобы Британия смогла бы снова жить своей собственной самобытной жизнью и в своей международной ориентации смогла бы следовать своему собственному голосу, а не еврейским указаниям, толкающим сейчас Лондон на разрыв и осложнение с гитлеровской Германией”.

Но кто из серьёзных политиков в Англии стал бы прислушиваться к словам политического маргинала? Неудивительно, что Арнольд Лиз вообще обрёл и дурную славу, и нелёгкую судьбу в своём возлюбленном отечестве¹², в отличие от нашего героя. Плетью обуха он не перешиб.

Сила сильных мира сего

Черчилль, догадавшийся обратиться за поддержкой к евреям, не один был такой умный не только в Англии, но и во всём мире. Я приведу в пример лишь нескольких политиков, но этого будет вполне достаточно, чтобы многое понять, поскольку речь пойдёт и о близкой нам материи: российской истории на роковом переломе начала XX века. Три ключевые фигуры политической жизни того времени — Александр Керенский, Павел Милуков, Владимир Ульянов (Ленин) — соперничали, а то и воевали друг с другом, представляя интересы разных классов и сословий, олицетворяя основные движущие силы революции. Но при этом каждый из троих отлично понимал роль и силу еврейского фактора и пытался задействовать его в свою пользу, конкурируя с соперниками.

Не всегда видимая простым глазом, еврейская составляющая всех русских революций была, на деле, мейнстримом российской политической жизни и задолго до Февраля, и, особенно сильно и эффективно, в Феврале 1917 года. С середины первого десятилетия XX века вела свою деятельность организация, которая существовала под разными именами, но в двух ипостасях — тайной и явной, хотя состояла из одних и тех же лиц. Её вдохновителем и руководителем был Александр Браудо (масон высокой степени посвящения, как предполагает Еврейская энциклопедия), создавший “Еврейскую демократическую группу”, “Союз для достижения полноправия еврейского народа в России”, а после выборов в 4-ю Государственную Думу в 1912 году — “Политическое бюро для оказания помощи депутатам-евреям”. В это Политбюро вошли представители всех еврейских политических партий, кроме крайних левых. Кроме того, под руководством Браудо действовала сеть информационных агентств.

Тайная власть и влияние названных организаций были немалыми. Нельзя не напомнить читателям в этой связи, что верховный правитель России Александр Керенский изначально был ставленником евреев. Именно от них осенью 1910 года адвокату Керенскому, уже дальновидно проявившему себя поборником еврейских прав, поступило предложение (через Л. М. Брамсона, члена упомянутого Политбюро) баллотироваться в Государственную Думу по списку Трудовой группы. Так стартовала звёздная карьера политика, на всём протяжении которой симбиоз Керенского и организованного еврейства всячески укреплялся. Всем своим политическим весом, к примеру, молодой депутат ринулся на еврейскую чашу весов в известном деле Бейлиса. Забыв при этом закон и приличия до такой степени, что был осуждён на восемь месяцев тюрьмы, от чего его избавила депутатская неприкосновенность, лишить которой его власти попытались, но безуспешно. Рьяному защитнику еврейства отныне открылись такие тайные ресурсы, о которых он и мечтать не мог. Для пробы в июне 1913 года Керенского, никогда не бывшего предпринимателем, избирают председателем IV Всероссийского съезда работников торговли и промышленности. Известный русский националист

депутат Н. Е. Марков-второй прокомментировал это так: “Депутат Керенский, насколько мне известно, да и вам тоже, адвокат, – во всяком случае, не приказчик; может быть, приказчик еврейского кагала, но это в переносном смысле”. В первом кабинете министров Временного правительства Керенскому был предоставлен важнейший пост министра юстиции. Понятно, что, когда летом 1917 года дело дошло до переизбрания главы правительства, в ход были пущены те же рычаги (плюс масонские связи, что давно уже не секрет).

Не один Керенский, сознавая тайную власть и могущество евреев, стремился заручиться их поддержкой, искал с ними союза. Это было свойственно революционерам, левым партиям вообще.

Очень показательно, например, что глава конституционно-демократической партии Павел Милюков ещё в 1915 году разразился докладом “Еврейский вопрос в России”. Вообще этот вопрос всегда был в центре внимания партии конституционных демократов – кадетов. Исследователь Николаю Коняеву удалось уже в наши дни разыскать в архиве Санкт-Петербургской ФСК и опубликовать поразительное по откровенности и точности формулировки письмо, где Милюков признавался: “Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев”. Как выяснилось, это письмо ходило по рукам и полоскалось прессой уже тогда, и Милюкову в эмиграции пришлось от него публично отречься в редактируемой им газете “Последние новости”, оправдываясь и доказывая, что письмо – фальшивка. Но ведь убийственная убедительность этой фальшивки зиждилась именно на её полном совпадении с теорией и практикой партии кадетов...

Объяснение такой акцентированной юдофилии Милюкова можно найти в его собственноручных мемуарах, где он пишет, что ещё в 1901 году сблизился с Браудо, который, по его словам, играл “большую роль в тайных сношениях только что образовавшихся тогда социалистических партий” и “лично вёл свои конспиративные дела, известные только посвящённым”. Браудо ещё тогда дальновидно помогал ссыльному Милюкову налаживать “сношения с Петербургом”¹³. Неудивительно, что впоследствии благодарный Милюков и его партия рьяно отстаивали именно еврейские права. Ближайшими опорными сотрудниками главы влиятельной партии кадетов были евреи Винавер, Бак, Гессен, Ганфман и другие, для которых еврейское равноправие было главным пунктом программы. От некоторых из них (например, от Гессена и Бака) кадеты зависели материально.

Недаром также и Ленин, обгоняя политконкурента Милюкова, ещё 28 марта 1914 года подготовил и опубликовал для внесения большевистской фракцией в Думу законопроект под названием “Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности”. Сам будучи еврейского происхождения, Ленин всегда был плотно окружён евреями, предпочитал опираться на них. Известно его высказывание в беседе с Горьким: “Среди русских мало умных. Если найдёшь какого-нибудь годного человека, то непременно или еврей, или с примесью еврейской крови”¹⁴.

Это своеобразное соперничество за влиятельного союзника выставляет наших политиков-революционеров как опытных прагматиков. Не говоря уже о том, что руководство всех левых партий (а в какой-то мере и партии кадетов) было в весьма высокой степени представлено евреями. Ну, а после революции массовая женитьба большевиков и вообще людей при власти на евреях как залог успешной карьеры, а равно женитьба влиятельных евреев на русских женщинах “из бывших” давно стали притчей во языцех.

Аналогично обстояло дело и в других европейских странах, где даже произошли революции, совершённые с опорой на местное еврейство как на ударную движущую силу: в Германии, Венгрии. Но и не только там.

К примеру, во Франции был вынужден прибегнуть к поддержке евреев, которую он дальновидно заслуживал годами, такой видный политик, как Жорж Клемансо по прозвищу “Тигр”, которому довелось быть премьером в годы Первой мировой войны и разрабатывать условия мира для Германии и “Версальской системы” в целом. Он был уже матерым политическим деятелем, когда

его еврейские связи вдруг оказали ему дурную услугу в 1893 году, всплыв в разгар панамского скандала и громких разоблачений, главный герой которых – еврей Корнелий Герц – находился с Клемансо, как писали газеты, “в подозрительных сношениях”. В результате Клемансо лишился репутации, а с нею и депутатского мандата, и его карьера, как многим казалось, подошла к концу. Однако вскоре он нашёл остроумный выход. Превратив свою газету “Аврора” (“Заря”) в трибуну дрейфусаров и защищая Дрейфуса, как впоследствии Керенский – Бейлиса, опубликовав знаменитое письмо Эмиля Золя “Я обвиняю!”, Клемансо сумел аккумулировать такие средства и иные возможности, что уже в 1898 году “с почётом вернулся в политическую жизнь, откуда его вытолкнула причастность к панамскому скандалу”¹⁵. И с тех пор Клемансо более не покидал французский политический Олимп вплоть до 1920 года, когда потерпел неудачу на президентских выборах.

Этот пример, конечно же, не прошёл мимо внимания не только Керенского в будущем, но и Черчилля в настоящем. Обращу внимание читателя: Черчилль, посетивший Париж именно в 1898 году, в разгар дела Дрейфуса, был свидетелем всех общественных страстей по данному поводу и, конечно же, ловкого демарша Клемансо. Он прочёл письмо, опубликованное в “Авроре”, и писал по этому поводу матери: “Браво, Золя! Я счастлив быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора” (16). Несомненно, был им отмечен и новый взлёт Клемансо¹⁶, и внутренняя связь указанных событий.

Кошелёк и жизнь

Итак, Черчилль весьма рано осознал возможности, предоставляемые современному политику причастностью к еврейскому лобби, и сполна этими возможностями воспользовался, поставив от них в зависимость уровень своей жизни и карьерного успеха. Чтобы не быть голословным, приведу факты из книги Гилберта.

Прежде всего – деньги. Тут у нашего героя было, на что оглянуться, чей опыт перенять. Дело в том, что работа Черчилля над книгой по истории семьи привела его на места сражений его прямого предка, известного полководца герцога Мальборо (он же “Мальбрук” в русском фольклоре)¹⁷. И вот что всплыло в ход исследования.

“Главным интендантом армии Мальборо во время войны за испанское наследство (1701–1714) являлся еврей Соломон де Медина, который первым из исповедовавших иудаизм евреев Англии получил рыцарское звание. Медина снабжал Мальборо не только продовольствием, но и деньгами, и важной военной информацией. Позднее Медина обвинил герцога в том, что тот получал от него 6 тысяч фунтов в год в обмен на контракты по снабжению, дав официальные показания об этом в Комиссии по счетам. Объясняясь перед комиссией, Мальборо ссылаясь на то, что подобная практика ранее всегда разрешалась генералам и главнокомандующим, поскольку расценивалась “как дополнительная привилегия”, полагавшаяся им по должности” (125–126).

Сообразительный потомок учёл опыт предка: ничто ведь не ново под луной. Смешивать интересы Британии со своими собственными и извлекать из этого выгоду с помощью евреев стало фирменным почерком Черчилля-политика.

Порой его собственные признания на этот счёт просто поразительны. Так, он прямо писал, что Великобритания “никогда не искала никакой выгоды в Палестине. Мы более четверти века выполняли эту неблагодарную, болезненную, дорогостоящую, тяжёлую, неудобную миссию, и выполняли её весьма успешно” (318). Но так же прямо он умалчал о том, что эта миссия ему лично приносила громадные дивиденды – за счёт своей страны, не имевшей в том выгоды и впрямь. Подробности будут ниже.

Всё началось ещё в юности, когда Уинстон осиротел, потеряв отца. Как уже упоминалось выше, близкие дому Черчиллей богатые и влиятельные евреи не оставили 21-летнего юношу на произвол судьбы. Сразу же “друг его отца” сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: “Кормите моих овец”. Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно приумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель — 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10 000 фунтов (в нынешних деньгах — 500 000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: “Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль”. В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяцкой квартире Черчилля в лондонском районе Мейфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги “Атчисон, Топека и Санта-Фе”, купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25 000 фунтов в пересчёте на нынешние деньги” (17).

В 1906 году на летних каникулах Уинстон Черчилль отправился путешествовать по Европе. “При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями” (28). Дальновидный 32-летний политик уже в том далёком году готовил себе плацдарм, действуя по тому же алгоритму, что в разное время и Керенский, Миллюков, Ленин, Клемансо...

Мы вряд ли узнаем когда-либо подробности тех встреч и бесед Черчилля на виллах его еврейских покровителей. Знаем лишь, что последовало далее. Вернувшись после каникул в Лондон, Черчилль первым делом женился. А вторым — отправился в центр еврейской диаспоры Англии, в Манчестер, где выступил с речью на митинге в поддержку Еврейского больничного фонда. Такими были приоритеты начинающего английского политика.

В дальнейшем “в своём избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодёжного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета “Таймс” описывала посещение им еврейской больницы, религиозной школы талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что “не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов”. Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу талмуд-тора, он был “очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община”. Он считал, что “люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру”. Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: “Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы” (29).

Было бы, разумеется, нисколько не странно, если бы с подобными целями и речами он обращался к английским обывателям, шёл бы в английские больницы и школы, английские клубы и рабочие кружки, религиозные общества. Если бы об англичанах думал и заботился, помогал им деньгами. Однако не к англичанам, а именно к евреям оказались обращены заботы молодого Черчилля в начале карьеры. Впрочем, вот вопрос: на чьи деньги он помогал евреям, ведь своих-то у него ещё не было? Не для того ли он и посещал летом богатых евреев, чтобы иметь возможность потом евреям же благотворительствовать, но только бедным?

Так или иначе, его опорной базой на годы стал еврейский Манчестер, его главным электоратом — еврейская диаспора. Таким был его истинный старт как политика.

Но карьерный рост Черчилля в зависимости от еврейских связей мы рассмотрим позже. А пока уместно было бы вспомнить факты извлечения Черчиллем доходов из его высоких должностей, из положения в государственной иерархии. То есть о том, что вытекало из соединения личных интересов с государственным и что у нас обычно называют коррупцией. Берясь за эту тему, надо отчётливо понимать, что взаимосвязь между решениями и их последствиями в таких делах не всегда прямая и непосредственная (“утром деньги — вечером стулья”) и что умные коррупционеры, как правило, не оставляют

следов, извлекая доход порой весьма замысловатыми и многоходовыми комбинациями. Но положение, как говорится, обязывает и свидетельствует зачашую само за себя.

К примеру, ещё в годы Первой мировой войны для производства взрывчатого вещества Великобритании в огромном количестве (тридцать тысяч тонн) потребовался ацетон, вообще отсутствовавший на рынке. Государство готово было платить за него сполна, не торгуясь, только бы было предложение. Кому же первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль поручил его изготовление, с кем заключил контракт? Этим счастливец оказался руководитель Еврейского агентства, главный идеолог и лоббист сионизма в мировом масштабе Хаим Вейцман. Впоследствии он вспоминал: “Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе”. Гилберт комментирует: “Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуром. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского национального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне” (40-41).

Оставим пока в стороне политическую составляющую сделки, хотя запомним взаимную связь трёх имён. Но пусть читатель оценит: Вейцман фактически получил из рук Черчилля монополию на производство ацетона в масштабах всей империи. Можно себе представить, какую сказочную прибыль приносят подобные контракты!

Закулисный союз, сложившийся в результате между Черчиллем, Вейцманом и Бальфуром, ещё не раз выражался в финансовых и деловых соглашениях. Например, “в бытность Черчилля министром финансов Х. Вейцман обратился к британскому кабинету с просьбой предоставить правительственные гарантии займу, предназначенному для целей экономического развития Палестины. . . Заём, объяснял Вейцман, “требовался лишь для единственной цели — создания благоприятных возможностей для создания еврейских поселений в Палестине, как предполагалось условиями британского мандата”.

Лорд Бальфур, являвшийся автором Декларации Бальфура и лордом-президентом Тайного правительственного совета Его Величества, в качестве старшего члена кабинета поддержал проект предоставления займа. Перед обсуждением этого вопроса в кабинете министров он устроил встречу Черчилля и Вейцмана в своём лондонском доме” (115-116).

Важное свидетельство предварительного сговора единомышленников! Дух огромных денег всё время веял вокруг этого небольшого слаженного сообщества из трёх человек.

Как министр финансов, хорошо осведомлённый о первостепенных потребностях страны, Черчилль, конечно, должен был бы воспротивиться уходу денег “на сторону”. Тем не менее он, как и участвовавший в сговоре Бальфур, поддержал на заседании кабинета идею займа. Патриотичный кабинет отверг этот план, Бальфур и Черчилль остались в меньшинстве, заём не состоялся. Что обещал им Вейцман и чего они лишились, помимо репутационных издержек, отважно выступив вразрез позиции собственного кабинета, мы, конечно, не узнаем. Но о том, что Черчилль вступил в должность министра финансов Великобритании, уже подготовленный к совместному с евреями ведению личного бизнеса, нам достоверно известно.

Дело в том, что, когда в 1922 году правительство Ллойд-Джорджа потерпело поражение, Черчилль на пару лет лишился и реальной власти, и парламентского кресла. Его попытка вернуться в палату общин, где он заседал уже почти два десятка лет, оказалась безуспешной. На этот раз его репутация юдофила сработала не за, а против него: избираться пришлось в округе Западный Лестер, а не в Манчестере или Данди, и где бы Черчилль ни пытался выступать, “он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы. Это обвинение. . . получило весьма широкое распространение” (112). Как видно, эксклюзивный подряд на ацетон, выданный Вейцману, был далеко не единственным благодеянием такого рода. Конечно, как у нас говорят, не пойман — не вор, за руку Черчилля никому схватить не удавалось, но ведь и дыма без огня не бывает. . .

Итак, Черчилль временно утратил былые возможности лоббиста. Но те, кому он так рьяно споспешествовал в минувшие годы, не дали ему пропасть.

“Видный представитель еврейской общины в Великобритании сэр Роберт Вэйли Коэн попросил его стать посредником на переговорах с британским правительством о слиянии двух его частных нефтяных компаний с Англо-Персидской нефтяной компанией, в которой держателем большинства акций являлось британское правительство. . .

Черчилль согласился представлять компании Коэна на переговорах с британским правительством. За своё посредничество он получил 5 000 фунтов — сумму, эквивалентную годовой зарплате члена кабинета министров. Черчилль признавался своей жене, что, когда он попытался узнать у своего бывшего личного секретаря в адмиралтействе сэра Джеймса Мастертона-Смита, допустимо ли ему выступать на таких переговорах в качестве посредника, то Мастертон-Смит “посоветовал ему быть крайне осторожным в этом вопросе по веским политическим причинам”. Однако Черчилль, который недавно приобрёл поместье Чартвелл в графстве Кент (откуда деньги? — **А. С.**), остро нуждался в деньгах для осуществления дорогостоящей перестройки своего нового дома. Поэтому он обратился по этому вопросу непосредственно к премьер-министру Стэнли Болдуину, попросив его не возражать против объединения компаний. При этом Черчилль не желал предавать огласке своё обращение к премьеру. Он писал Клементине: “Я проник в резиденцию премьеря на Даунинг-стрит, войдя через основной вход Министерства финансов, чтобы избежать комментариев. Это очень позабавило Болдуина”.

Однако всё прошло гладко. “Мой разговор с премьером был весьма благоприятным, — сказал Черчилль Клементине. — Он полностью поддержал проект соглашения об объединении компаний, исходя из представленных условий. Он говорил об этом так, что можно было вообще подумать, что я разговариваю не с ним, а с самим Коэном. Я уверен, что всё получится”. В своих воспоминаниях Черчилль написал, что на этой встрече Болдуин сказал ему, что “нынешнее положение и перспективы дальнейшего существования Англо-Персидской компании внушают ему беспокойство, поэтому он отнюдь не возражает против уменьшения доли правительства в компании. К тому же он в принципе выступает против участия британского правительства в нефтяном бизнесе, исходя из общеполитических и экономических соображений. В этой связи ему представляется целесообразной продажа принадлежащих правительству акций компании частным инвесторам, и он полагает, что сумма в двадцать миллионов была бы хорошей ценой, которую можно было бы выручить за эти акции” (116).

Как приятно, должно быть, обсуждать на таком уровне подобные круглые цифры! Интересно, какова была цена этого вопроса, решённого келейно? Что Черчилль пообещал Болдуину с подачи Коэна? И что в действительности рассчитывал получить (получил?) сам, помимо пяти тысяч фунтов, несообразно малых на фоне таких цифр?

Впрочем, в это время перед Черчиллем забрезжили новые, более важные возможности, и он уведомил Коэна, что вынужден-де отказаться от своей деятельности по слиянию компаний, потому что собирается “вернуться к общественной жизни”. Вскоре Черчилль вернулся-таки в парламент от округа Эппинг, после чего Болдуин немедленно назначил его — кем бы вы думали? — министром финансов. Таким стал во всей этой ситуации его личный итог, его главный приз со всеми вытекающими из высокого назначения последствиями. А, кстати, 5 000 ведь он уже получил, и дело сделал, договорённости достиг. Это ли не коррупция? На новом посту Черчилль продолжал мирволить евреям, как о том нам красноречиво рассказала история с займом для сиониста Вейцмана.

Поскольку Черчилль преданно оказывал большие и малые услуги евреям на протяжении всей своей жизни, служа не за страх, а за совесть, то и дивиденды за это ему приходили всю жизнь¹⁸. Уже 78-летним, “осенью 1952 года, через шестьдесят лет после своей первой встречи с первым лордом Ротшильдом, Черчилль познакомился с другим членом семьи Ротшильдов — майором Эдмундом де Ротшильдом. Это произошло после того, как Джозеф Смолвуд, премьер-министр Ньюфаундленда, предложил Черчиллю реализовать план использования энергии Великих водопадов высотой 245 футов для создания там источника энергии не только для Восточной Канады, но и для

всего восточного побережья Северной Америки. Черчилль, который за тридцать лет до этого поддержал своим политическим авторитетом сионистский проект электрификации в Палестине, в поисках источников финансирования этого грандиозного проекта обратился в банк Ротшильдов в лондонском Сити “Н. М. Ротшильд и сыновья” – в банк, который он впервые посетил более полувека назад. Один из партнёров банка, Эдмунд де Ротшильд, воевавший во время войны во Франции, в Северной Африке и Италии, взялся организовать финансирование проекта, учредив для этого специальную холдинговую компанию “Бринко”.

Три года спустя, уйдя в отставку с поста премьер-министра, Черчилль приобрёл пакет акций “Бринко”. Именно Эдмунд де Ротшильд – “мистер Эдди”, как его называли в банке, – постоянно информировал его о продвижении работ над проектом. После смерти Черчилля Джозеф Смолвуд и Эдмунд де Ротшильд, вместе явившиеся на похороны, чтобы почтить память Черчилля, стоя у его гроба в Вестминстерском аббатстве, решили переименовать Великие водопады в водопады Черчилля. “Они носят это имя и сегодня, – писал позднее Эдмунд де Ротшильд, – вырабатывая все свои 5 255 миллионов киловатт!” (348).

Что ж, Черчилль сделал поистине хорошее вложение. Но, конечно, не только тогда, когда под конец жизни купил пакет акций “Бринко”, а, напротив, в начале жизни, когда сделал главную ставку на евреев. И это касается не только его политической и финансовой биографии, но и личной, и творческой.

Однажды, за пару лет до Второй мировой войны, Черчилль написал статью на важную для него тему: должны ли евреи, где бы они ни жили, искать возможности самим бороться с преследованием немецких евреев властями Германии, или они должны предоставить это дело правительствам стран, в которых они живут. (Политик идейно укреплял позицию по защите евреев от Гитлера.) Статья имела резонанс.

С этого момента он был включён в весьма эффективный литературно-коммерческий проект, приносивший ему немалые дивиденды до конца дней, а его семье и после того. Ибо с Черчиллем начал активно сотрудничать предприимчивый и оборотистый литературный агент, венгерский еврей Имре Ревеш, впоследствии известный под именем Эмери Ривз. Ривз, чья семья была расстреляна вместе с более чем 1 200 другими евреями в оккупированной венграми части Югославии. Он сотрудничал с Черчиллем и почитал это за честь. Но и об обоюдно выгодной при этом отнюдь не забывал.

“В начале 1930-х годов Ривз создал в Берлине специальное литературное агентство для распространения в прессе статей ведущих европейских демократических политиков. С приходом Гитлера к власти Ривз был вынужден перевести своё агентство в Париж. Там он снова начал расширять число публикуемых им антинацистски настроенных авторов. 25 февраля 1937 года Черчилль и Ривз впервые встретились в Лондоне, и Черчилль согласился предоставить Ривзу исключительные права на публикацию своих статей, “представляющих международный интерес”, за пределами Британской империи и Северной Америки.

Ривз брал на себя организацию переводов и, где возможно, одновременную публикацию статей во всех европейских странах. Ривз должен был платить Черчиллю 60 процентов выручки за каждую проданную статью с гарантированным минимумом в 25 фунтов. Обычно он помещал статьи Черчилля каждые две недели в двадцати пяти европейских странах, в том числе в газетах, выходящих в семнадцати европейских столицах: Париже, Копенгагене, Стокгольме, Брюсселе, Люксембурге, Осло, Хельсинки, Риге, Таллине, Праге, Вене, Варшаве, Каунасе, Афинах, Белграде, Бухаресте и Будапеште. Статьи Черчилля регулярно публиковались также в выходивших на идиш газетах в Варшаве, Вильнюсе и Каунасе, давая возможность трём крупнейшим еврейским общинам Восточной Европы выслушивать предостережения Черчилля. Ривз также помещал его статьи в двух выходящих в Палестине газетах – тель-авивской газете на иврите “Гаарец” и иерусалимской англоязычной “Палестайн пост” (177-178).

Я подсчитал, и у меня получилось, как минимум, 1 250 фунтов в месяц – очень большие деньги по тем временам. Ривз знал своё дело.

По окончании Второй мировой войны после поражения на выборах Черчилль официально возглавил оппозицию, но лишь изредка посещал заседания палаты. Теперь он, в основном, занимался литературной деятельностью,

заклучив ряд крупных контрактов с периодическими изданиями — такими, как журнал Life, газеты The Daily Telegraph и The New York Times, — и рядом ведущих издательств. Работа над военными мемуарами частенько шла на юге Франции в имении Эмери Ривза, и Ривз вёл переговоры о продаже прав на их издание в Соединённых Штатах. При этом ловкий агент “не только обеспечил Черчиллю поступление значительного аванса от американских издателей, но и сумел продать мемуары тринадцати европейским издательствам и израильскому издательству в Тель-Авиве, выпустившему эту книгу в переводе на иврит. Шесть томов, озаглавленных “Вторая мировая война”, были сосредоточены на проблемах британской политики, борьбе вооружённых сил Великобритании и рассказывали о том, как Черчилль руководил войной” (332). Это уже были совсем другие деньги...

Результат поражает воображение. Сам Черчилль однажды, в ответ на предложение одного из издателей передать ему право издания книги, которую пишет, заявил: “Я не пишу книгу, я делаю состояние”. Амбициозное издание стало для него настоящим предприятием, в котором он использовал множество людей: военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, учёных, историков, литераторов, делавших огромную работу: отбор материала, проверку фактов, подготовку справок. Кроме них, на Черчилля в две смены по восемь часов работала группа подготовленных секретарей. А сверх того, пользуясь возможностью войти в историю, Черчиллю охотно помогали своими воспоминаниями по частным поводам бывшие военные, политические деятели и бизнесмены, причастные к военным событиям.

Тем временем Ривз провёл беспрецедентную пиар-кампанию. В результате Черчилль получил на руки уникальное произведение, спрос на которое превысил самые смелые расчёты и надежды. Все крупнейшие англоязычные (и не только) журналы конкурировали за право первыми опубликовать главы этого труда по мере их написания. Как пишут, один только журнал “Лайф” (США) заплатил за такое право около 2 миллионов долларов. Однако ведь и многие другие журналы публиковали черчиллевскую историю войны, а в ряде стран этот массивный шеститомник выходил отдельными изданиями в течение долгих лет. Ну, и кроме всего этого, Черчилль получил Нобелевскую премию, прежде всего, за эту свою историю. Неудивительно, что газета “Санди таймс” итожила в 1965 году: “Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль”.

Перед нами, конечно, показательный факт: судьбу своего главного литературного дитя Черчилль смело вручил еврею (как в годы войны вручил еврею охрану своей жизни). Знал, что может вполне довериться ему и рассчитывать на лучшие условия, на максимальный профит. Это был точный расчёт матерого дельца от политики. Ведь Ривз, как и некогда Виктор Ротшильд, был не случайной фигурой, его отношение к Черчиллю было искренне наилучшим.

Факт прямой зависимости материального благосостояния Уинстона Черчилля от многих евреев с разными, в том числе очень большими финансовыми возможностями неоспорим. Этого одного было бы достаточно, чтобы ответить на вопрос об истинных мотивах его политической деятельности. Но в не меньшей степени от евреев зависела, помимо кошелька, и карьера английского политика.

В Вестминстер через Манчестер

Ещё во время военной службы в Индии в 1897 году Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. “Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, — писал он матери, — потому что он знаком со всеми”. По возвращении из Индии весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приёма в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур “очень вежлив со мной — и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал всё, что я говорил” (16).

Отметим про себя этот факт, ведь ясно, что сложившаяся в тот год триада “Ротшильд–Черчилль–Бальфур” со временем, как мы помним, легко преобразуется в триаду “Черчилль–Бальфур–Вейцман”. Спайка Черчилля с Бальфуром, так же, как и он, зависимым от евреев, состоялась ещё задолго до

событий, начавших определять судьбы мира после Первой мировой войны. Это имело важные последствия.

Светские знакомства Черчилля вообще со временем будут конвертированы в политические связи, об эффективности которых позволяет судить пунктир его назначений: с декабря 1905 года он занимает пост заместителя министра по делам колоний, в апреле 1908 года – министра торговли и промышленности, в феврале 1910 года – министра внутренних дел, с октября 1911 года он первый лорд адмиралтейства, в июле 1917 года – министр вооружений, а в январе 1919 года – военный министр и министр авиации.

Бытует мнение, что Черчилль вошёл в политику благодаря своим личным достоинствам: военному мужеству и таланту публициста. И действительно, впервые он попал в парламент от округа Олдхем, населённого текстильными рабочими, проголосовавшими за него как за молодого героя Верхнего Нила и просторов Судана, за автора книги “Речная война”. Тогда Черчилль занял позицию в стане консерваторов, партии тори.

Конечно, отрицать личные достоинства этого трудоспособного, волевого и талантливого человека не приходится. Но всего этого, как мы знаем из множества примеров, недостаточно для карьерного взлёта. Он должен был на кого-то опираться, кто-то должен был подставить ему плечо, снабдить средствами, которых у обедневшего потомка герцогов Мальборо не было, дать публичную высокую трибуну, обеспечить “паблик рилейшнз”. Без мощной поддержки Черчилль в дальнейшем не занимал бы высокие министерские посты и не был дважды премьер-министром Великобритании. . .

Как ему удалось выйти на эту орбиту? Сам ли он совершил это или кто-то помог ему подняться? Такое не делается в одиночку: политика – это командная игра. И работяги из Олдхема не многие могли в этом плане, они не обеспечивали перспективу карьерного роста.

Выход нашёлся. Черчилль недолго пробыл консерватором, уже к 1904 году он, взвесив шансы, перешёл в лагерь либеральной партии. “Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от округа Северо-Западного Манчестера, где треть избирателей составляли евреи” (20). И это оказался верный шаг – он вновь стал депутатом.

Как показало будущее, Черчилль в принципе не владел подходом к сердцам простого английского большинства, не зная и зная не желая его нужд и чаяний, не обращая к его заветным интересам. (Характерное признание сделала Клементина, супруга Черчилля, заявившая лорду Чарльзу Морану в апреле 1945 года, что “Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах. . . Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро”.) Он предпочёл игру на другом поле и нашёл оригинальный и беспроегрешный вариант в смысле электоральной базы. Он поставил на евреев. Для начала даже не всемирных или хотя бы великобританских, или хотя бы лондонских, а всего лишь на манчестерских. Но ему этого хватило на первый раз. А уж в дальнейшем подключились и силы иного масштаба.

Как мы уже рассказывали, в Манчестере Черчилль посещал подряд различные еврейские организации и благотворительствовал, что называется, направо и налево. И это не осталось незамеченным. От Черчилля стали ждать более серьёзных дел. Так на деле началась история его возвышения – и одновременно его история как самого главного защитника еврейских интересов в Англии, а может быть, и во всём мире.

* * *

“Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения – проекта закона об иностранцах, внесённого в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы

Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы, прежде всего, иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил его и самому Ласки, и опубликовал в виде открытого письма в газетах...

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: “Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны”. 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции (20–23).

Точнее сказать, отступил на заранее подготовленные позиции. Выбор на всю жизнь был сделан, жребий брошен (не в отношении партийности, конечно, которую Черчилль легко менял не раз, исходя из конъюнктуры). Случайного в этом выборе не было, думается, ничего. Не зря газета “Сан” подчёркивала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это обвинение основывалось на заметке в еврейской “Джуиш кроникл”, где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором “мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента” (23). Майор Вильям Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль “верно следовал инструкциям, полученным от той группы людей, по поручению которых он действовал” (23–24).

После такой публичной рекомендации рассчитывать на победу где-либо, кроме Манчестера, уже не приходилось. Но не в характере Черчилля было отступать. Разумеется, он объявил все эти нападки клеветой и удвоил усилия по критике законопроекта, который, как он уверял, препятствует прибытию в Великобританию “честных, но бедных людей”. В результате, “чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения. Поддержав евреев, Черчилль победил” (24).

Черчилль победил, зато Англия проиграла. В начале XX века проблема с “цветными” иммигрантами ещё не стояла так остро, как в конце столетия. А вот с иммигрантами-евреями — уже стояла. Черчилль определился в этом вопросе сразу и навсегда и был последователен. Задыхаясь сегодня от наплыва инородцев-иммигрантов со всего мира, англичане должны знать, кого за это благодарить¹⁹.

Ну, а в те дни благодарить Черчилля должны были, вне всякого сомнения, евреи, особенно приехавшие из России, беспрепятственный въезд которых в Великобританию он так энергично поддержал. Кстати, на митинге в Манчестере по поводу еврейских погромов в России, где Черчилль стал главным оратором, “среди присутствовавших был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женевы”. Так начались отношения, прервать которые смогла только смерть.

Поведение Черчилля в парламенте, где он умудрился восстановить против себя не только консерваторов, от коих переметнулся к либералам, но и своих новых соратников, противодействуя их согласованным инициативам, не осталось незамеченным английским обществом. И это общество ясно дало ему понять, какого оно мнения о его политическом поведении. Получив в апреле 1908 года пост президента Торговой палаты, Черчилль был обязан — таковы правила — пройти через переизбрание в парламент. И вот в том самом Манчестерском округе, где он недавно с триумфом победил, его неожиданно “прокатили” избиратели, и Черчилль потерял депутатское кресло.

В чём дело? Что случилось? Неужели евреи, чьи интересы он так рьяно защищал, отвернулись и предали своего благодетеля? Нет, ни в коем случае.

Один из лидеров манчестерской еврейской общины Джозеф Дальберг написал Черчиллю после поражения: “Утешением для меня служит то, что я сделал всё, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчётам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей” (34). Нет, дело-то как раз в том, что своей проеврейской позицией Черчилль настолько отличился и прославился, что совершенно осточертел остальным двум третям избирателей и резко оттолкнул всех неевреев, которые не захотели дольше терпеть еврейского агента, политика-юдофила, и дружно восстали в небывалом единении, чтобы не дать ему победить.

Теперь ему пришлось искать для новой попытки выборов отдалённейший избирательный округ, где его либо совсем не знали, либо знали понаслышке с хорошей стороны лишь как героя войны и бойкого военного журналиста. Такой округ (Данди) нашёлся почти в другой, можно сказать, стране – в Шотландии...

“Тигры сионизма”, Черчилль и еврейское лобби

Итак, Черчилль снова в парламенте – и снова на страже еврейских интересов. И вскоре ему пришлось защищать их всей силой государства, ибо он был в 1910 году, несмотря на молодость и неопытность, назначен министром внутренних дел (закулисная история этого ни с чем не соотносимого назначения мне не известна, увы), сосредоточив в своих руках огромную власть. А как раз уже в 1911 году, в августе, в Англии разразился еврейский погром, первый в её новейшей истории. И “разруливать” ситуацию довелось сэру Уинстону. Но об этом эпизоде биографии Черчилля я расскажу в своё время. А пока – новые этапы карьеры нашего героя.

Вкратце назову некоторые его высокие должности, разительно не соответствовавшие ни опыту, ни способностям. В 1905–1911 годах он последовательно являлся заместителем министра колоний, министром торговли, министром внутренних дел (кстати, в этом качестве Черчилль предоставил Хаиму Вейцману британское гражданство), наконец, военно-морским министром (1911–1915). Но тут его ждал скандальный провал с так называемой Дарданелльской операцией, после которого его карьера оказалась на два года прервана.

В 1917 году Ллойд Джордж вернул Черчилля из политического небытия, предложив ввести его в состав коалиционного правительства, и в 1918–1922 годах сэру Уинстону возглавлял военное и авиационное министерства. В этот период жизни ему приходилось тесно сотрудничать со многими еврейскими дельцами и политиками (что зачастую одно и то же). “Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своём новом министерстве, был сэра Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убеждённый сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман” (43). Но самое главное, в качестве члена кабинета министров Черчилль в 1921–1922 годах отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Сегодня, по прошествии почти ста лет, основное содержание его деятельности той поры историк может усмотреть именно в этом.

Как и в первый раз, когда избиратель “прокатил” Черчилля на выборах из-за его подчёркнутого филосемитизма, в 1923 году англичане снова не захотели видеть в парламенте открытого лоббиста еврейских интересов. Его попытка баллотироваться в парламент от округа Западный Лестер провалилась. Одним из ярких противников Черчилля был поэт лорд Альфред Дуглас, который читал по всей Англии публичные лекции, рассказывая о связях Черчилля с еврейскими, как сказали бы теперь, олигархами. Особенным успехом пользовался рассказ о том, как “в результате тайного плана, разработанного богатыми британскими евреями во главе с сэром Эрнестом Касселем, сразу после Ютландской битвы в 1916 году британское адмиралтейство, возглавлявшееся тогда Артуром Бальфуром, издало официальное коммюнике, в котором говорилось, что сражение было тяжёлой неудачей для Великобритании. Удручающий тон коммюнике оказал непосредственное влияние на курс

британских акций на Нью-Йоркской бирже, который резко упал. Воспользовавшись этим, еврейские заговорщики тут же скупили эти акции по бросовой цене. Затем Черчилль, действовавший в сговоре с евреями, в том числе и с Бальфуrom, издал другое коммюнике. В нём говорилось, что сражение оказалось гораздо более успешным для Великобритании, чем считалось ранее. Акции сразу же поднялись до нового высокого уровня. Заговорщики немедленно продали их, получив в результате огромную прибыль. Согласно Дугласу, еврейские финансисты выплатили за это Черчиллю 40 000 фунтов”, что эквивалентно более чем миллиону фунтов в 2006 году.

Будучи допрошен по данному поводу в суде, Черчилль на вопрос, имел ли “второе коммюнике адмиралтейства” какое-то “отношение к манипуляциям акциями на какой-либо бирже в мире”, не моргнув глазом отвечал: “Эта мысль никогда не приходила мне в голову”. Затем его спросили: “Получили ли вы от этого какой-либо доход?” На это он, естественно, ответил: “Нет” (112-113). А что ещё он мог сказать?!

Ну, на “нет” и суда нет. Доказать своё обвинение Дугласу не удалось, ведь его противники были не так глупы, чтоб оставлять следы... Однако он опубликовал текст своей обвинительной речи в виде брошюры, не меньше 30 000 экземпляров которой разошлись по Лондону. Взбешённый Черчилль подал на него в суд, куда явился сам и привёл своего старого надёжного товарища и партнёра лорда Бальфура в качестве свидетеля. Участие такого тяжеловеса (Бальфур в общей сложности провёл пятьдесят лет на английском политическом Олимпе, а накануне суда занимал пост лорда-председателя Совета) решило дело: Дуглас был признан виновным. Это была показательная расправа. Однако своё место в парламенте от округа Данди, где ему некогда доверились шотландские избиратели, Черчилль всё же потерял, а затем потерпел поражение и в Лестере. Англичанам был не нужен известный еврейский лоббист в высшем представительном органе страны. Оставшись не у дел, Черчилль занялся живописью и литературным творчеством.

В 1924 году, поправив репутацию за счёт литературной известности, он всё же вернулся в парламент от маленького округа Эппинг (графство Эссекс), знаменитого своим маслом и колбасами. Возвратившись при этом, как ни в чём не бывало, в партию консерваторов, он был назначен в правительстве Стэнли Болдуина канцлером казначейства, где и пребывал с 1924-го по 1929 год, доведя страну до массовой безработицы и экономического спада. После чего ему долгое время уже никаких должностей не доверяли, и с 1931 года по роковой сентябрь 1939 года Черчилль был всего лишь рядовым членом парламента, основную деятельность посвятив устным и письменным выступлениям, работе над статьями и книгами.

Однако на деле затишье было мнимым. Именно на протяжении 1930-х годов, когда мир шаг за шагом продвигался к новым глобальным потрясениям, Черчилль отнюдь не сидел сложа руки, а напряжённо и целенаправленно готовился к важнейшей миссии в своей жизни. Естественно, всё это было связано с евреями, с их положением в Европе и на Ближнем Востоке. Приведу лишь один эпизод, но очень выразительный, который рисует те установки, что двигали Черчиллем и направляли его энергию и общественный темперамент.

8 июня 1937 года сэром Арчибальдом Синклером (политик, лидер либералов, крупнейший землевладелец, тесно сотрудничавший с Гербертом Самуэлем и Уинстоном Черчиллем) была организована встреча Хаима Вейцмана с рядом парламентариев, евреев и неевреев, поддерживавших сионизм, такими как Лео Эмери, лидер лейбористской партии Клемент Эттли (в 1945 году он сменил Черчилля на посту премьера), полковник Джозайа Веджвуд и капитан Виктор Казалет. На встрече присутствовали также Черчилль и Джеймс де Ротшильд. Обращаясь к Вейцману, Черчилль дал удивительный обет, указывая на присутствующих: “Если вы попросите нас сражаться за вас, мы будем драться, как тигры” (156).

Вот удивительное дело: откуда в Англии взялись эти “тигры”?! Что за патология в стране, казалось бы, победившего английского национализма, стране-наследнице королевы Виктории, Киплинга и расового идеолога Хьюстона Чемберлена, на сочинениях которого вырос Гитлер?

Названные гости Синклера были представителями парламентской оппозиции. Со временем к ним присоединятся вожди рабочей партии Гринвуд

и Моррисон (в будущем вице-премьер при Эттли), а также оппозиционер-консерватор Дафф Купер, пламенный поборник сионизма, сторонник создания еврейского государства, и другие лица. Вот такими “тиграми” Черчилль угощал Вейцмана, гарантируя ему поддержку! Не в одиночку боролся он за еврейские права и интересы, но действовал в комплоте с влиятельными лицами и под внимательным приглядом Ротшильда. И этот комплот, незримый для электората Британии, существовал при полном взаимопонимании обеих главных партий Англии, как правящей, так и оппозиционной.

Впрочем, он не ослаблял и личных усилий. К примеру, накануне обсуждения в палате общин “Белой книги”, изданной правительством в мае 1939 года с целью ограничить приезд евреев в Палестину, где разгорался еврейско-арабский конфликт, Черчилль пригласил Хаима Вейцмана на ланч в свою лондонскую квартиру. “В своих мемуарах Вейцман вспоминал, как Черчилль “вынул из кармана пачку маленьких карточек и прочитал нам свою речь; затем он спросил меня, могу ли я предложить какие-нибудь поправки” (200). В своей речи Черчилль, конечно же, протестовал против “Белой книги”, именуя её издание “постыдным актом”. И консультация с Вейцманом как высшей инстанцией была неслучайной. Сам факт обращения Черчилля к главному еврей-сионисту за одобрением, за апробацией очень о многом говорит. Главный еврей должен был получить новое свидетельство того, что Черчилль делает для евреев всё, что в его силах. Черчилль лишний раз присягнул евреям на верность.

Характерной была ответная реакция: “Ваша великолепная речь способна разрушить эту политику правительства, — телеграфировал Черчиллю доктор Вейцман в день выступления Черчилля в парламенте. — У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность”. Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: “Позвольте поздравить вас с великой речью государственного значения, произнесённой вчера по вопросу о Палестине. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что вас благословят за это миллионы евреев во всём мире”. Эта речь произвела на сионистских лидеров такое впечатление, что впоследствии Британская ассоциация за создание национального еврейского очага в Палестине напечатала её отдельной брошюрой.

Удивительно ли в таком контексте, что евреи преисполнились волей вернуть своего самого надёжного защитника к вершинам власти! Первый раз они ввели Черчилля во власть, как мы помним, ещё до Первой мировой войны. И сейчас они снова сделали это, и с успехом, умело, при этом очень ловко манипулируя общественным мнением, готовя его к новому взлёту карьеры своего героя. Вот как повествует об этом Гилберт в своей книге:

“В то время как Чемберлен и его ближайшее окружение не хотели впускать Черчилля в свой круг, всё большая и большая часть британской публики призывала дать ему место в правительстве. Это требование было выражено в феврале и марте 1939 года в журнале “Пикчер пост”, в двух номерах подряд призывавшем к возвращению Черчилля в правительство. Статьи были иллюстрированы фотографиями Черчилля в Чартвелле, его доме, ставшем местом его своеобразного изгнания, где он был запечатлён работающим, кладущим кирпичи, читающим — в ожидании, пока его, наконец, позовут (то-то умилились английские обыватели! — А. С.).

Появление этих статей было во многим заслугой обладавшего даром предвидения издателя “Пикчер пост” Стефана Лорана, венгерского еврея, который в 1919 году в возрасте восемнадцати лет бежал из пропитанной антисемитской атмосферой страны. . .

Лоран с фотографом журнала провёл в Чартвелле целый день, беседа с Черчиллем и собирая необходимый ему материал, чтобы как можно лучше подготовить призыв к возвращению Черчилля в правительство, который он собирался разместить на страницах “Пикчер пост”. Два номера “Пикчер пост”, последовавших за визитом Лорана в Чартвелл, обозначили поворотный пункт в общественном восприятии Черчилля как человека, знания и опыт которого не используются. Первая статья, написанная Генри Уикхемом Стидом, бывшим главным редактором “Таймс” и членом Антинацистской лиги, была опубликована 25 февраля 1939 года и озаглавлена так: “Величайший момент в его жизни ещё придёт?” (196-197).

И что бы вы думали? Этот момент действительно пришёл! 10 мая 1940 года Черчилль становится главой национального правительства и одновременно

министром обороны, лидером палаты общин, а с конца года – и лидером консервативной партии, сосредоточив в своих руках все главные рычаги управления Великобританией. Такой власти не имел никто и никогда в Англии после королевы Елизаветы Тюдор, даже Дизраэли. “Тигры Вейцмана” взяли верх в стране²⁰.

До самой смерти

Война закончилась, когда Черчиллю было уже за семьдесят. Триумфальное завершение многолетней кровавой страды привело его к неожиданному результату: вместо выражения всенародной признательности путём переизбрания народ Англии отказал в поддержке консерваторам (а значит, и лично Черчиллю) уже в июле победного 1945 года! Впервые в истории парламентское большинство, да ещё с большим перевесом, составили лейбористы. Избиратели припомнили довоенный политический и экономический курс консерваторов и не захотели к нему возвращаться. Черчиллю не осталось места в высшем эшелоне власти, ему пришлось даже покинуть Потсдамскую конференцию победителей, что было, конечно, крайне унижительно. Отблагодарили соплеменники, ничего не скажешь...

Отныне на довольно долгое время сэра Уинстона утратил возможность влиять на политику Англии иначе, чем посредством статей и выступлений. Самолюбивый и честолюбивый до тщеславия²¹, он тяжело переживал вынужденную отставку. Это был удар в самое сердце, ведь он считал себя вождём и спасителем английского народа, если не всего мира, а избиратели – и что самое ужасное, солдаты в основной своей массе – отвергли его самого и его партию. По свидетельству Вирджинии Коулс, присутствовавшей 26 июля на традиционном послевыборном обеде, Черчилль был совершенно убит случившимся. Он был не в состоянии произнести ни слова, а его дочери сидели все в слезах. На следующий день, 27 июля, Черчилль созвал прощальное заседание кабинета. Как пишет его министр иностранных дел Энтони Иден: “Это было довольно мрачное зрелище... Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала ещё сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока”. В состоянии фрустрации сэра Уинстона даже отказался от почётнейшего ордена Подвязки, предложенного королём Георгом (он получит его спустя годы уже от королевы Елизаветы).

В своих мемуарах Черчилль горько ссылается на Плутарха: “Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов”. Он относил эти слова, конечно же, к англичанам. Однако, как выяснилось, упрёк этот заслужили и евреи, для которых внезапно лишённый всех правительственных постов политик потерял свою ценность и привлекательность, что было для них особенно досадно, ибо именно в первые послевоенные годы решалась судьба будущего Израиля, а своего главного и надёжного заступника евреи в тот момент утратили.

Власть Черчилля уже висела на волоске, когда 24 мая 1945 года он получил письмо от Хаима Вейцмана, в которое было вложено требование Еврейского агентства об отмене любых ограничений на въезд евреев в Палестину, которые были установлены британским правительством в 1939 году. Вейцман писал: “Пришло время... открыть евреям дорогу в Палестину и провозгласить там создание еврейского государства. Мой священный долг просить вас осуществить это, и осуществить немедленно” (299).

Но Черчилль, зная, что у него уже нет шансов провести подобное решение через временное правительство, созданное лишь на предвыборный срок, ответил: “Я боюсь, что не будет возможности продуктивно рассмотреть этот вопрос до начала специальной мирной конференции с участием союзников-победителей”. Это не было решительным отказом, это была лишь мягкая попытка немного урезонить просителей, привести их надежды в соответствие с возможностями момента, призыв проявить понимание и терпение.

Но евреи смотрели на ответ Черчилля по-другому, они не хотели знать никаких резонансов, не собирались терпеть и требовали своего. На заседании Политического сионистского комитета в Лондоне 13 июня Х. Вейцман осудил письмо Черчилля как “противоречащее реальному пониманию всей этой проблемы”... Он подытожил: “Если бы Черчилль хотел уладить дело, он мог бы это сделать”.

Для Давида Бен-Гуриона письмо Черчилля показалось “сильнейшим ударом, полученным евреями” (300-301).

Дружба сразу кончилась, все бесчисленные благодеяния, сотворённые Черчиллем для евреев, и самое их спасение тут же оказались забыты. Гилберт: “Не получив от Черчилля никакого ответа вплоть до 27 июня, Х. Вейцман выразил своё глубокое разочарование по этому поводу на следующем заседании Политического сионистского комитета... Он сказал своим ближайшим друзьям в Лондоне, что Черчилль и Рузвельт “унизили его, может быть, и непреднамеренно, но проявив невнимательность. Они дали обещания, которые не выполнили и не собирались выполнять. Ведь они имели дело всего лишь с маленьким народом; этот народ не мог бороться с Черчиллем или Трумэнном, но он мог сохранить чистой свою совесть, сказав: “Вы сделали то, что сделали, но вам не следует ожидать, что я это проглочу” (302-304).

Как видим, ни тени признательности, ни следа прежней дружбы, одни максималистские претензии и глухие угрозы вместо спасибо...

Были ли те угрозы лишь пустыми словами? Как знать: евреи обычно сводят свои счёты, ни с кем не сообразуясь и ни у кого не спрашивая, будь то хоть царь, хоть премьер-министр. Русские это хорошо знают по опыту; а вот Черчилль не знал. Возможно, он никогда и не узнал также, что 16 декабря 1944 года “Элияху Голомб, глава нелегальных сил “Хаганы”, публично осудившей убийство лорда Мойна и сотрудничавшей с британскими властями, чтобы прекратить терроризм, тайно встретился с Натаном Фридман-Еллиным, членом правящего триумvirата “Штерна”²². Два члена “Штерна” были тогда под судом за убийство Мойна, и триумvirат хотел провести какой-нибудь впечатляющий террористический акт, который послужил бы предупреждением и мстью. Одной из обсуждавшихся возможностей было убийство самого Черчилля” (282).

Да, скорее всего, Черчилль не узнал ни о чёрной неблагодарности евреев (и лично Вейцмана) в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать, поскольку продолжал работать в их интересах во всю силу своих возможностей, были они большими или малыми. На его счастье, евреи всё же отказались от покушения на его светлую личность. А какой был бы финал для вельможного юдофила! Какой поучительный случай!

Однако холодок с еврейской стороны повеял, и через пару недель Черчилль бросился оправдываться: в письме от 29 июня он советовал Вейцману добиваться передачи мандата на управление Палестиной “от Великобритании к Соединённым Штатам... с их огромным богатством и мощью и со значительной еврейской прослойкой населения”. Сам же он складывал руки: “У меня очень мало сторонников в консервативной партии, и даже лейбористы, кажется, потеряли интерес к идее создания еврейского государства в Палестине” (302-303).

Это была капитуляция проигравшегося – ошибочное и преждевременное проявление слабости. Что ему стоило всё обещать, как всегда! Но он решил поиграть в откровенность – и потерял лицо. Предчувствия не обманывали Черчилля: он-таки проиграл выборы. В разгар Потсдамской конференции, когда победители делили мир, англичане выкинули “главного победителя” – Уинстона Черчилля – из политики. Подозреваю, что одна из основных причин состояла в том, что разочарованные евреи не поддержали его так, как могли бы и как они уже не раз делали в прошлом. Свои же собственные, личные возможности Черчилль самонадеянно переоценил.

Евреи добились своего и без Черчилля: в 1948 году на карте мира появилось независимое государство Израиль. Отношения Черчилля с еврейским сообществом отныне стабилизировались: он всячески старался напомнить евреям о своей роли в прошлом, они охотно признавали её и отвечали устной и письменной благодарностью.

На встрече 29 марта 1949 года с американскими еврейскими лидерами, собравшимися для обсуждения будущего Израиля, Черчилль заклинал: “Помните, что я стоял за свободный и независимый Израиль в течение всех тех тёмных лет, когда многие из моих самых выдающихся соотечественников придерживались других взглядов. Не допускайте даже мысли о том, что у меня есть хотя бы малейшее намерение предать вас в этот час вашей славы” (343).

Какая странная, на первый взгляд, идея: кто бы мог в нём усомниться? Но, видимо, Черчилль, искушённый политик, знаток человеческих слабостей, боялся, что про его услуги забудут по миновании надобности, выкинут его, как отработанный шлак. Жажда чести и награды была ему свойственна. Поэтому

он продолжал в том же духе: не позволяя оборваться ниточкам связи и признательности, продолжал их натягивать.

В апреле 1951 года Х. Вейцман пригласил Черчилля на открытие рощи имени Вейцмана в Иерусалимских горах. Черчилль не смог прибыть на эту церемонию, но написал израильскому послу в Лондоне: “Будучи сионистом ещё со времён Декларации Бальфура, я очень польщен приглашением столь великого государственного деятеля, как доктор Х. Вейцман” (344).

17 января 1952 года, во время своего официального визита в Вашингтон, Черчилль выступил перед американским конгрессом. “Начиная с момента принятия Декларации Бальфура, — сказал он, — я желал, чтобы евреи получили национальный очаг в Палестине, и я работал над этим” (345).

Снова и снова Черчилль напоминал евреям о своих заслугах, своих правах на благодарность, напоминал победителям, кто помог им победить. Чтобы, не дай бог, не забыли, не списали со счетов. Он хотел всемерно продлить зависимость, столь важную и полезную для него.

И не без успеха. Хотя, как ни странно, не всегда благодарное признание евреями благотворной для них роли Черчилля было таким уж безусловным. “Вопрос о том, в какой мере Черчилль был другом евреев и Израиля, весьма широко обсуждался как внутри Израиля, так и среди мирового еврейства. Были среди евреев и такие, кто считал, — как и ряд сионистских лидеров в 1945 году, — что ему не следует доверять. Но родившийся в Южной Африке сотрудник израильского Министерства иностранных дел, житель Иерусалима Майкл Комей написал в сентябре 1950 года израильскому послу в Лондоне, что Черчилль “продолжает оставаться влиятельным другом нашей страны и нашего народа как в официальном, так и в личном качестве” (344).

26 октября 1951 года Черчилль во второй раз стал премьер-министром. Чем и как способствовало еврейское лобби его возвращению на Даунинг-стрит, об этом в книге Гилберта не говорится. До 77-го дня рождения ему оставался всего месяц. Здоровье уже никуда не годилось: его лечили от сердечной недостаточности, экземы и развивающейся глухоты. В феврале 1952 года и июне 1953-го он пережил инсульты, ему даже на несколько месяцев парализовало левую сторону. Полноценно выполнять свои обязанности он уже не мог, однако категорически отказывался подать в отставку или хотя бы перейти в палату лордов, оставаясь номинально в должности премьера. Ожидать от него какой-то существенной поддержки евреи уже не могли.

Тем не менее, Хаим Вейцман одним из первых поздравил его с возвращением к власти (345). И вообще евреи его не забывали. Я уже рассказывал об электростанции его имени и полученном им пакете её акций. Но были и другие знаки внимания, не столь, может быть, материально значительные, но трогательные.

Так, Джеймс де Ротшильд, видевший как-то его выступление по телевидению, написал ему: “Мой дорогой Уинстон — или, быть может, в этом случае я должен был выбрать обращение “Мой дорогой премьер-министр”? Я только что прослушал и просмотрел ваше выступление по телевизору и чувствую, что должен написать вам, чтобы сказать, как я был очарован вашим видом и тем, что вы сказали... Преданный вам Джимми” (347).

Первый глава Израиля Давид Бен-Гурион признавался Черчиллю: “Как и многие другие люди во всех концах света, я смотрю на вас как на величайшего англичанина за всю историю вашей страны и величайшего государственного деятеля нашего времени, человека, чья храбрость, мудрость и предвидение спасли его страну и весь свободный мир от нацистского рабства” (369).

Став во второй раз премьер-министром, Черчилль подружился с родившимся в Югославии еврейским скульптором Оскаром Нимоном. Королева Елизавета Вторая поручила тому извлекать бюст Черчилля для Виндзорского замка, и он выполнил поручение весьма монументально.

В 1955 году Черчилль вновь покинул премьерский кабинет, на этот раз навсегда. Ему оставалось ещё жить долгих десять лет, но влиять на события он уже не мог.

Когда 30 ноября 1957 года Черчиллю исполнилось восемьдесят три года, “среди рождественских подарков, полученных им в тот год, был ящик израильских апельсинов от вдовы Х. Вейцмана Веры и виргинская ветчина от Барнарда Баруха” (368).

Финальный аккорд... Пустячок, а приятно.

Такова, вкратце, история взаимных симпатий Уинстона Черчилля и евреев. Кстати, именно Черчиллю приписывается популярная фраза о том, что англичане-де не являются антисемитами потому, что не считают себя глупее евреев. Так ли оно на самом деле или Черчилль сказанул это ради красного словца, я не берусь судить. Но за такую безрассудную самонадеянность англичане расплатились всей своей судьбой.

Впрочем, не следует забегать вперёд. Из красных нитей, проходящих через судьбу Черчилля, выберем для начала самую толстую.

Палестина, Израиль, евреи, арабы

Самая большая по протяжённости глава из книги жизни Черчилля могла бы быть названа так: “Палестина, Израиль, евреи, арабы”. По сути, она началась в дни первого вхождения Черчилля в правительственные сферы и завершилась, когда мир признал еврейское государство Израиль, созданное на территории Палестины, некогда подмандатной Великобритании.

Одни приписывают честь создания Израиля Хаиму Вейцману, другие – Иосифу Сталину, третьи – даже Адольфу Гитлеру. И в каждом из этих утверждений есть доля истины, поскольку Вейцман всеми признан как локомотив сионизма, Гитлер мечтал о таком месте, куда можно было бы переселить всех европейских евреев, а Сталин надеялся, что вместе с советскими евреями в Израиль переедет и утвердится там социализм. Но главную-то роль тут сыграл Уинстон Черчилль. Об этом и поговорим.

В молодые годы Черчилль, служивший офицером Британской армии в Судане, увлекался арабским Востоком и исламом. Какое-то время он даже бравировал этим, полусуитя. К примеру, в своём письме к леди Литтон в 1907 году он написал, что хотел бы получить в Османской империи титул паши. Он дружил с востоковедом Уилфридом Блантом и, как и он, мог наряжаться в арабские одежды, отправляясь на вечеринку. Его увлечения бросались в глаза родным; в том же 1907 году Гвендолин Берти, жена брата Черчилля, писала ему с тревогой: “Пожалуйста, не принимай ислам; я заметила твою склонность ко всему восточному. Если ты соприкоснёшься с исламом, твоё обращение может произойти даже быстрее, чем ты думаешь. Борись с этим”. Историк Уоррен Доктер из Кембриджского университета, обнаруживший это письмо во время работы над книгой “Уинстон Черчилль и исламский мир: ориентализм, империя и дипломатия на Ближнем Востоке”, комментирует: “На самом деле Черчилль никогда всерьёз не задумывался о том, чтобы принять ислам. К этому времени он уже был практически атеистом. Но он был весьма впечатлён исламской культурой”²³.

Эти новейшие открытия, однако, мало согласуются с тем, что сам Черчилль писал в книге “Речная война” (1899) по свежим впечатлениям, вернувшись из Судана, где он воевал против исламского халифа. К примеру: “Как ужасны проклятия, которыми магометане осыпают порой своих же единоверцев! Кроме фанатичного неистовства, опасного в человеке, как водобоязнь у собак, в них присутствует и ужасная фаталистическая апатия. Эффект этого очевиден во многих странах. Непредсказуемое поведение, неважная система сельского хозяйства, пассивные методы ведения торговли, отсутствие должного уважения к собственности существуют везде, где живут или правят последователи Пророка. Огрубление чувств лишает их жизнь изящества и утонченности, а также достоинства”.

Или вот ещё выразительная цитата: “Тот факт, что, согласно магометанскому закону, каждая женщина должна принадлежать какому-нибудь мужчине в виде его абсолютной собственности в качестве дочери, жены или наложницы, откладывает окончательное избавление человечества от рабства до тех пор, пока исламская вера не перестанет обладать столь великой властью над людьми. Как индивидуумы мусульмане могут проявлять замечательные качества, но влияние религии парализует социальное развитие тех, кто привержен ей. В мире не существует более мощной силы, замедляющей развитие. Далёкое от заката и упадка магометанство – воинственная и прозелитическая вера. Она уже широко распространилась по Центральной Азии, везде привлекала в свои ряды бесстрашных бойцов, и если бы христианство не охранялось

сильным оружием науки, науки, против которой оно когда-то напрасно боролось, то цивилизация современной Европы могла бы погибнуть, как погибла цивилизация Древнего Рима” (73-74).

Пожалуй, всё же именно в подобных речениях — истинный ключ к позиции Черчилля. Конечно, мы вправе спросить, в чём же тогда привлекательность ислама для почти двух миллиардов жителей Земли? Ответ вряд ли устроил бы Черчилля: да именно в этом — в тотальном консерватизме, в моральном отвращении к прогрессу а-ля Запад.

Думается, что, вернувшись с театра военных действий в Лондон и связав свою политическую биографию с евреями, Черчилль если и питал какие-то добрые чувства к исламской культуре, то скоро и радикально поменял вектор своих симпатий. В дальнейшем он воспринимал свой союз с евреями против арабов как союз с цивилизацией против дикости. Вряд ли в этом была объективность, но для него это было так, и он не раз это подтверждал.

Жизнь рано заставила Черчилля сделать выбор. В 1905 году он был назначен на должность замминистра по делам колоний. По словам Гилберта, “для Черчилля вопрос о содействии еврейским национальным чаяниям встал в полный рост уже буквально через несколько дней после его вхождения в правительство”, поскольку евреи, не теряя драгоценного времени, немедленно обратились к нему с просьбой поддержать их идею о выделении Британией одной из колоний для еврейской эмиграции. Тогда Палестина ещё не была под контролем Англии, но всё дело в том, что “в сионистском движении к тому времени одержали верх те силы, которые хотели образовать еврейский национальный очаг в Палестине и нигде больше” (26-27). И Черчилль вскоре также проникся этой задачей. 30 января 1908 года, обращаясь с посланием к ежегодной конференции Английской сионистской федерации, замминистра по делам колоний писал уже вполне однозначно: “Я с полной симпатией отношусь к традиционным историческим ожиданиям евреев. Их возвращение в то место, которое исторически служило центром их государственности, символом национального и политического единства, стало бы великим событием в истории всего мира” (33).

В дальнейшем тесное знакомство с главным сионистом Хаимом Вейцманом привело к превращению самого Черчилля в завзятого сиониста, о чём мы уже писали. (Напомню читателям про двойной смысл термина “сионизм” и подчеркну, что здесь он используется в значении идеи заезда евреев в Палестину, на “историческую родину”.)

Итоги Первой мировой войны стали для Черчилля поистине судьбоносными, определив на три десятилетия одно из магистральных направлений его жизни и деятельности. Дело в том, что в число побеждённых в этой войне входила турецкая Османская империя. Как верно пишет Гилберт, “перспектива поражения Турции разожгла территориальные аппетиты Великобритании. Сэр Герберт Самуэль, один из двух евреев в составе британского кабинета министров, предложил распространить на Палестину власть британской короны с тем, чтобы в будущем она могла стать населённой преимущественно евреями самоуправляющейся территорией” (42). Сильнейшим лоббистом этой стержневой сионистской идеи Черчилль стал на всю жизнь.

К тому моменту, когда решалась судьба Палестины, на территории которой мечтали обосновать свою государственность евреи, Черчилль уже занимал должность министра обороны. Будущее ближневосточных провинций побеждённой Османской империи входило в сферу его забот. Ему пришлось временно испытать чувство раздвоенности. С одной стороны, он понимал и опасался, что “предполагавшаяся передача мандатов на управление Палестиной и Месопотамией (Ираком) Великобритании приведёт к тому, что его страна окажется втянутой в длительные конфликты на Востоке, которые дорого обойдутся ей” (52). Он даже писал 25 октября 1919 года в специальном меморандуме для британского кабинета о том, что, если бы Великобритания отказалась участвовать в разделе наследия Османской империи, она избежала бы не только колоссальных расходов и трудностей, но и ответственности за судьбу Палестины и евреев (53).

С другой стороны, еврейские связи уже прочно опутывали нашего героя. Вскоре филосемитизм превозмог патриотизм, интересы евреев оказались предпочтительней интересов британцев, и Черчилль “стал явным и определённым сторонником” выполнения так называемой Декларации Бальфура (54).

Об этом интересном документе надо рассказать подробно, поскольку именно он стал основой всей той политики, которую повели Черчилль и иже с ним в отношении Палестины, арабов и евреев.

Документ, ставший из личного эпохальным

2 ноября 1917 года Альфред Бальфур, бывший премьер-министр и первый лорд адмиралтейства, а ныне министр иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, послал лично господину второму барону Уолтеру Ротшильду письмо на бланке Министерства иностранных дел, прославившееся как Декларация Бальфура. В истории сионизма ей придаётся колоссальное, определяющее значение.

В тот момент, когда Бальфур писал это письмо, британская армия уже вторглась в Палестину, её войска успешно захватывали территории, до взятия Иерусалима оставался лишь месяц с небольшим, но север страны ещё оставался под турками до сентября 1918 года, после чего аннексия уже стала полной. 25 апреля 1920 года на конференции в Сан-Ремо Верховный совет стран Антанты передал Англии мандат на Палестину. 24 июля 1922 года его условия были одобрены Советом Лиги наций, и 29 сентября 1923 года мандат официально вступил в силу. Однако Бальфур писал так, как если бы полное владычество Британии в Палестине уже было заранее решено.

Текст письма гласил в своей основной части: “Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; причём ясно подразумевается, что не должны производиться никакие действия, которые могут нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране”.

Письмо, отметим, было написано по предложению добрых знакомцев Бальфура – сионистских лидеров Хаима Вейцмана и Нахума Соколова²⁴ – и адресовалось главе еврейской банкирской семьи, отнюдь не являвшемуся официальным и полномочным представителем еврейского народа. Перед нами – не правительственный манифест, санкционированный кабинетом министров, парламентом или премьер-министром, широковещательный и публичный. Нет! По сути, это всего лишь частное письмо, хоть и написанное на бланке министерства иностранных дел. Пустячный, в общем-то, документ, совершенно ничтожный в юридическом смысле.

И ещё одна важная деталь: в непосредственной подготовке так называемой Декларации Бальфура принимал участие лондонский еврей Гарри Сахер, адвокат, член Манчестерского кружка сионистов во главе с Вейцманом²⁵. Какую именно часть текста он готовил, неизвестно. Возможно, что и весь текст целиком.

Однако в дальнейшем сионисты и сам Уинстон Черчилль всегда трактовали это частное письмо как священную клятву Великобритании в верности еврейскому народу и настаивали на исполнении её буквы и духа, при этом всегда упирая лишь на создание “еврейского национального очага” в Палестине и напрочь забывая про “гражданские и религиозные права” нееврейских общин. По воле сионистов письмо обозвали Декларацией, превратили этот клочок бумаги в какой-то род присяги, в краеугольный камень при закладке Израиля.

Подчеркну ещё раз: пресловутая “Декларация Бальфура” – не что иное, как всего лишь навсего письмо министра иностранных дел второму барону Ротшильду, частному лицу. Если кто и должен был нести ответственность за этот полуофициальный документ, то разве что лично сам Бальфур. Это однозначно. Однако в общественном мнении ему было придано совершенно исключительное значение клятвенного заверения Английского государства, которое нельзя просто так отбросить. Уцепившись мёртвой хваткой за этот ничего не значащий, в сущности, документ, Черчилль в дальнейшем, как мы увидим, умело пользовался им то как дубиной против своих оппонентов, то как отмычкой, волшебным “сезамом”, открывающим двери даже там, где их, на первый взгляд, не было. Листок бумаги стал стягом и жупелом. Удивительный образец беззастенчивой манипуляции, махинации! Беспрецедентный случай! Политическое нахальство и трюкачество экстра-класса!

Вот несколько примеров.

В главе, характерно названной “Работа на основании Декларации Бальфура”, Гилберт рассказывает, как “во время встречи в Лондоне 22 июня <1921 года> с четырьмя премьер-министрами британских доминионов — Канады, Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии — Черчилль выяснил, что все они разделяют опасения арабов о формировании со временем в Палестине еврейского большинства”. И тогда Черчиллю пришлось принимать экстренные меры по “выправлению мозгов” собравшихся. Собственно, в этот момент и оформилась предельно чётко его личная доктрина, личная позиция, личная стратегия в палестинском вопросе, которая в силу его официального положения стала позицией всей страны. В чём она состояла?

Черчилль “разъяснил им позицию Великобритании по отношению к сионизму. “Идеал, который исповедуют сионисты, — сказал им Черчилль, — это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию”. Но Декларация Бальфура, добавил он, есть нечто большее, чем идеал. Она представляет собой принятое в годы войны обязательство оказывать помощь евреям по всему миру. “Великобритания должна быть очень пунктуальной, — объяснил он, — в выполнении своих обязательств” (91).

Так Черчилль ещё в 1921 году навязал всей Британской империи (даже и с доминионами) свои взгляды, свой подход, превратив завоёванную, оплаченную английской кровью Палестину в тяжёлую, неудобную ношу и трудную проблему. А те и проглотили, приняли это как должное.

Получилось, что англичане сделали это завоевание не для себя, а для евреев. Черчилль и его старшие товарищи и единомышленники Ллойд-Джордж и Бальфур считали нужным не только поддерживать сионистов, но и сверять частным образом с ними свои позиции, чтобы полностью соответствовать их планам. Так, 22 июля они втроём “встретились с Вейцманом в доме Бальфура в Лондоне, чтобы успокоить Вейцмана и разъяснить ему, что британская политика не изменилась. На этой встрече Вейцман заявил, что Декларация Бальфура фактически сведена на нет и что сам британский верховный комиссар Г. Самуэль подрывает её принципы. Вейцман указал, что в официальном выступлении 3 июня Самуэль заявил: “Условия жизни в Палестине таковы, что не допускают массовой иммиграции евреев”. Такое утверждение, сказал Вейцман, являлось фактическим “отрицанием Декларации Бальфура”. Черчилль спросил, почему он так считает, и Вейцман объяснил, что Декларация Бальфура санкционирует возникновение в Палестине еврейского большинства, тогда как речь Самуэля “не позволит никогда образоваться такому большинству”. Согласно протокольной записи об этой встрече, “...Ллойд-Джордж и Бальфур согласились с тем, что Декларация Бальфура всегда подразумевала постепенное возникновение в Палестине еврейского государства” (93).

Дело в том, что Герберт Самуэль, хоть и приходился роднёй Ротшильдам и с пониманием относился к сионистам, но был по убеждению государственным человеком и твёрдо стоял на страже интересов Британской империи. Он прямо и жёстко писал Вейцману об этом так: “Необходимо ясно видеть основные факты во всём этом деле. По моему мнению, эти факты заключаются в том, что очень большое число арабов, включая многих представителей образованных слоёв, пришли к выводу, что сионистская политика заключается в создании численного перевеса евреев в Палестине за счёт массовой еврейской иммиграции, что впоследствии приведёт к тому, что из-за этого они потеряют не только политическое преобладание в Палестине, но и свои земли и свои святы места”. Самуэль ясно предвидел, что арабы не примут без боя судьбу, которая, по их мнению, им уготована, будут сопротивляться всеми силами. При этом, подчеркнул он, “сионистская политика не имеет столь прочных основ в Великобритании, чтобы позволить себе продолжать и далее расшатывать их” (94).

Итак, в этих встречах и дебатах выявилась и основная линия водораздела, и главная тема повестки дня: быть или не быть в Палестине численному преобладанию евреев, которое позволит со временем основать там еврейское государство. Именно вокруг этого пункта и развернулась главная интрига, главная борьба сторон.

Не правда ли, парадоксальная ситуация, когда еврей по национальности Самуэль, исходя из профессиональных и великобританских патриотических побуждений, осмеливается действовать поперёк установок сионистов, а трое

высокопоставленных природных англичан, сверяя свои слова и поступки с верховным сионистом, обсуждают, как этому противостоять. И ведь успешно противостоят! Напомню, что в те дни Ллойд-Джордж был ещё премьер-министром, а Бальфур – лордом-председателем Совета, их позиции были очень сильны. Однако особую роль в этом сыграл, конечно, наш герой, отличавшийся непреклонностью нрава.

Далее события развивались в 1921 году так. 22 августа Черчилль принял арабскую делегацию, “её члены бескомпромиссно потребовали от него немедленно отменить действие Декларации Бальфура и прекратить дальнейшую еврейскую иммиграцию в Палестину. Черчилль отказался сделать и то, и другое, представив делегации своё понимание природы сионизма” (94).

В этот день между Великобританией и арабским миром пробежала трещина, что впоследствии весьма дорого обошлось империи. Вместо того чтобы покровительствовать миллионам арабов, оказавшихся в её власти согласно мандату Антанты, Англия открыто и цинично предала интересы своих подопечных и заложила основу для бесконечного кровавого противостояния на Ближнем Востоке. А это противостояние, в свою очередь, во второй половине XX века стало краеугольным камнем глобального конфликта, когда сионизированный Запад вошёл в состояние необъявленной войны с исламским Востоком, что особенно наглядно проявляется в наши дни.

Ответом на предательство арабов Британией в лице Черчилля явились в Палестине “акты насилия против евреев. В течение ноября арабы Яффы и близлежащих арабских деревень нападали на евреев прямо на улицах и разрушали еврейскую собственность. В ответ британская администрация наложила коллективный штраф на яффских арабов и на те арабские деревни, из которых совершались нападения”.

Черчилль весьма остроумно возложил ответственность за это на Самуэля, написав своим представителям в Палестине: “Сэр Герберт Самуэль должен жёстко следить за неукоснительным применением в Яффе штрафных санкций”. Тот, вынуждаемый действовать против собственных убеждений, пытался протестовать, но Черчилль был непреклонен: “В Яффе и в близлежащих деревнях должны усвоить, что лица, виновные в нападениях на евреев, будут немедленно нести ответственность. Мы не можем позволить каким-либо соображениям целесообразности (!) влиять на осуществление правосудия”. Апелляция к высшим нормам морали в ситуации собственного аморального поведения всегда была сильнейшим козырем Черчилля, и он им виртуозно пользовался.

Черчилль объявил далее, что если Самуэль не справится с задачей, то он готов прислать в помощь военный корабль, чтобы поддержать авторитет власти верховного комиссара в Палестине. А когда Самуэль пожаловался, что “арабов спровоцировали на бунт действия проникшей в Израиль в составе иммигрантов группы коммунистов”, то Черчилль немедленно указал Самуэлю, что “ответственность за очистку еврейских колоний от коммунистических элементов лежит на самом верховном комиссаре” (95-96). Поистине, в искусстве выкручивания рук ему не было равных!

Черчилль добавил, что недоволен попытками арабов прибегнуть к насилию по всей Палестине “в надежде напугать нас и заставить нас отказаться от нашей политики в отношении сионизма”. Его позиция была определённой, ясной и чёткой. И “запугать” его, заставить отступить действительно не могло никто и ничто. Даже очевидные интересы собственной страны.

Чего добился Черчилль своим железным упорством в неуклонном проведении в жизнь сионистской программы?

Быстро и напористо действуя в заданном направлении, сотрудники аппарата Черчилля уже к началу февраля 1922 года подготовили такой проект конституции для Палестины, согласно которому “арабам было бы невозможно использовать своё численное большинство для того, чтобы препятствовать продолжающейся еврейской иммиграции и капиталовложениям”. Делегация палестинских арабов пыталась законными способами воспрепятствовать вопиющей несправедливости. 15 февраля сэр Уильям Джойнсон-Хикс, член парламента от консерваторов, официально попросил Ллойд-Джорджа, имея в виду Декларацию Бальфура, объяснить, почему правительство обещало еврейскому народу создание национального очага “в стране, которая уже является национальным домом для арабов”. Не получив внятного ответа, “3 марта

арабская делегация провела митинг своих сторонников перед отелем “Гайд-парк” в Лондоне с требованием, чтобы Великобритания отказалась от своей “сионистской политики”. Главный оратор на этом митинге Шибли аль-Джамаль, являвшийся секретарём арабской делегации, говорил о том, что “придётся убивать евреев, если арабы не достигнут своей цели” (97).

По сути, евреи, действуя через Черчилля, руками англичан развязали войну за Палестину. Войну объявили арабы – но вызвал-то её Черчилль, размахивая Декларацией Бальфура, как знаменем. В этой войне, однако, Палестина стала для Англии не наградой, а несносной и дорогой обузой, которую рано или поздно она была вынуждена выпустить из рук...

Кому и зачем был нужен еврейский анклав в Палестине

Были ли у Черчилля иные мотивы, кроме тех отношений и обязательств, которые сложились между ним и евреями, в том числе сионистами, с Хаимом Вейцманом, в первую очередь? Как знать.

Еврейская диаспора, большая и активная социально и экономически, давно стала головной болью для многих стран и народов XX века: для России, Польши, Германии, Франции, Испании, Венгрии, Америки, Англии... В России эта проблема решилась парадоксально: евреи, опираясь на широкое антиимперское движение разнообразных инородцев (поляков, финнов, армян, грузин, среднеазиатов, прибалтов, горские народы и др.) и возглавив рабоче-крестьянскую революцию и гражданскую войну, свергли законное правительство и сами стали властью. На какое-то время похожая схема сработала в Германии, вызвав к жизни революцию, капитуляцию и Веймарскую республику. Подобная попытка была и в Венгрии, а позже и в Испании. В других странах повторить российский сценарий не получилось, в Испании взяли верх фашисты, да и Венгрия с Германией (точнее, венгры с немцами) быстро опомнились и отыграли назад. Но страх перед Коминтерном, без сомнения, тревожил души ответственных национальных политиков многих стран и народов. Вытянуть из всех стран евреев, не являющихся патриотами этих стран, “международных евреев” (Черчилль использовал именно этот термин), в некую отдельную область на земном шаре – и пусть себе там устраивают своё государство, хоть коммунистическое, хоть какое, только бы не у нас: так в то время рассуждали и мечтали очень многие. В том числе, как мы знаем, поляки и немцы, надеявшиеся “сплавить” своих евреев, к примеру, на Мадагаскар.

Возможно, среди тех, кто так думал, был и наш герой, искренне ненавидевший коммунизм и боявшийся его. Ведь не случайно, выступая 2 января 1920 года в Сандерленде с обзором международной ситуации, Черчилль назвал большевизм “еврейским движением” (55). Как обезопасить Англию от него?

И вот в газете “Иллюстрийтед санди геральд” от 8 февраля 1920 года Черчилль публикует весьма объёмную и подробную статью по еврейскому вопросу, где, в частности, есть раздел “Дом для евреев”. Британскому правительству, пишет автор, в результате приобретения им права на управление Палестиной, “представилась возможность обеспечить для евреев всего мира пристанище и создать центр их национальной жизни. Государственная мудрость и чувство истории мистера Бальфура помогли использовать эту возможность. Была принята декларация, однозначно определившая политику Великобритании в этой сфере. Пламенная энергия доктора Вейцмана, руководящего практическим осуществлением сионистского проекта, поддерживаемого многими известными британскими евреями, направлена на то, чтобы этот выдающийся проект оказался успешным”.

“Конечно, – писал Черчилль, – Палестина слишком мала и способна принять лишь часть еврейского народа. К тому же большинство евреев, проживающих в других странах, и не стремится туда. Но если, как это может случиться ещё в период нашей жизни, на берегах Иордана под покровительством британской короны будет создано еврейское государство, способное принять три или четыре миллиона евреев, то в мировой истории произойдёт событие, благодетельное со всех точек зрения, событие, которое будет полностью гармонировать с истинными интересами Британской империи” (60-61).

Интерпретировать этот текст можно и в том смысле, что в будущем еврейском государстве, куда будут свезены “взрывоопасные” евреи из переполненной ими Европы, Черчилль провидел мировой оплот против большевизма,

своего рода альтернативу коммунистической России. Да, собственно, Черчилль примерно так сам и писал, только более обтекаемо: “Пассивное сопротивление” большевизму было недостаточным, указывал Черчилль. “Нужны практические альтернативы ему как в моральной, так и в социальной сфере. Быстрое создание национального еврейского центра в Палестине могло бы стать не только убежищем для людей, угнетаемых и подавляемых ныне в несчастных странах Центральной Европы, и послужить символом еврейского единства и храмом еврейской славы” (61).

Ну, уж какой “храм еврейской славы” получился из Израиля, я тут судить не стану, но нельзя не признать, что порядка пяти миллионов евреев в конечном счёте удалось оттянуть со всего мира на этот маленький клочок земли.

Итак, признаем, что в поведении Ллойд-Джорджа, Артура Бальфура, Уинстона Черчилля и других британских “тигров сионизма” может просматриваться и логика освобождения родной страны от нежелательного еврейского компактного и влиятельного меньшинства путём “сплавления” его в Палестину. Чего, впрочем, достичь не удалось.

Однако всё, что мы знаем о сэре Уинстоне Черчилле и о чём уже было и ещё будет сказано на этих страницах, говорит о том, что этот мотив не был ни единственным, ни главным в его поведении. Его личные отношения с еврейскими сообществом в целом и еврейскими лидерами, в частности, развивались год от года таким образом, что опутывали его неразрывной сетью больших и малых обязательств, связей и симпатий. Связи связывали. Узелок затягивался всё туже, коготок увязал всё глубже, птичке суждено-таки было пропасть.

Как Черчилль начал строить Израиль

Итак, в апреле 1920 года Верховный совет Антанты передал Англии мандат на Палестину, а в январе 1921 года Ллойд-Джордж назначил Черчилля министром по делам колоний, возложив на него особую ответственность за два британских мандата – Палестину и Месопотамию. В министерстве был даже специально создан Ближневосточный департамент, во главе которого стал Джон Шакбер, ветеран департамента по вопросам Индии. Стать своим консультантом Черчилль попросил разведчика и дипломата полковника Т. Е. Лоуренса (знаменитого “Лоуренса Аравийского”)²⁶, которому довелось добиваться примирения с арабами, отказывавшимися признать мандат Англии над Палестиной и Францией над Сирией.

Пользуясь личными отношениями, Лоуренс сумел заключить соглашение со старшим сыном “короля арабской нации” Хусейна эмиром Фейсалом, согласно которому арабы смирились с тем, что в Палестине уже были основаны еврейские поселения. Черчилля вполне устраивал план, “согласно которому Фейсал принимал трон короля Ирака, а его брат Абдалла – трон короля Трансиордании в обмен на то, что Западная Палестина, от Средиземного моря до реки Иордан, становилась местом учреждения еврейского национального очага под британским контролем... Если земля к востоку от реки Иордан становилась арабским государством, а земля к западу от Иордана и до Средиземного моря – территорией, отведённой для еврейского национального очага, то Великобритания одновременно выполняла оба обещания, данные ею как евреям, так и их арабским соседям” (66-67). Так арабские владыки, в обмен на признание и утверждение их полномочия в условленных регионах, предали свой народ. Отчего произошли весьма далеко идущие последствия.

Впрочем, как говорится, гладко было на бумаге...

22 марта 1921 года новоявленный министр по делам колоний Уинстон Черчилль в сопровождении Самуэля и Лоуренса отправился в Палестину, где в то время проживало примерно 83 000 евреев и 600 000 арабов. Вскоре это соотношение должно было, по замыслам сионистов и английских “тигров сионизма”, радикально измениться. И Черчиллю было важно, во-первых, проинспектировать, прозондировать ситуацию, оценить осуществимость поставленной задачи. А во-вторых, подготовить почву, насколько это было в его силах, для её осуществления.

Гилберт формулирует так: “Главная цель посещения Иерусалима для Черчилля заключалась в том, чтобы объяснить эмиру Абдалле смысл решений Каирской конференции²⁷ и сообщить ему о желании британского правительства

поддержать его как правителя подмандатной территории к востоку от реки Иордан (отсюда её название – Трансиордания) при условии, что Абдалла согласится на создание еврейского национального очага внутри Западной Палестины и сделает всё, что в его силах, для предотвращения антисионистской агитации среди своего народа к востоку от Иордана”. К этому моменту “Лоуренс уже получил заверения Фейсала, брата Абдаллы, в том, что “будут приняты все меры, чтобы поощрить и стимулировать иммиграцию евреев в Палестину в широких масштабах и возможно быстрее, чтобы создать там поселения с интенсивной обработкой земли” (72).

Со временем сделка с этими ближневосточными владыками, британскими марионетками, предавшими свой народ, продавшими первородство за чечевичную похлёбку и заслужившими дружную ненависть всего арабского мира, стала предметом особой гордости Черчилля, хвастливо, но вполне безосновательно утверждавшего: “Я был одним из лучших друзей, когда-либо бывших у арабов, и это я поставил в Иордании и Ираке арабских правителей, которые правят там до сих пор” (227). Почему бы это арабы не оценили столь дружескую услугу?

Надо сказать, что Черчилль не побрезговал обманом в отношениях с новоявленными властителями арабских стран. В беседе с эмиром Абдаллой 28 марта, в ответ на его опасения: “Имеет ли в виду Его Величество создать еврейское Царство к западу от Иордана и изгнать оттуда всё нееврейское население?” – “Черчилль постарался успокоить Абдаллу, говоря, что, по его мнению, “у живущих в Палестине арабов много беспочвенных опасений. Им кажется, что сотни и тысячи евреев за короткое время запрудят страну и будут господствовать над нынешним населением. Это не только не предвидится, но и совершенно невозможно... Еврейская иммиграция будет очень медленным процессом, и права нынешнего нееврейского населения при этом будут строго соблюдаться” (75-76).

Конечно, это была заведомая наглая ложь. Поскольку по итогам этой встречи Черчилль тогда же сообщил в Лондон, “что Трансиордания становится арабским королевством под властью Абдаллы, в то время как Западная Палестина, от Средиземного моря до Иордана, будет управляться Великобританией, которая выполнит своё обещание о предоставлении этих земель для расселения евреев-колонистов” (76). Планы сионистов получили старт для форсированного развития²⁸.

Черчилля не смущали возможные тяжёлые последствия содеянного, хотя во время этой поездки он получил ясное представление о том, что без них не обойтись. Так, в Газе, по воспоминаниям очевидца, “Черчилля приветствовала огромная толпа криками по-арабски: “Привет министру!” Но затем их предводитель вдруг яростно вскричал, поддержанный толпой: “Долой евреев!” – и: “Перережем им глотки!” ... Мы ехали по городу, сопровождаемые почти фанатичной толпой, всё более возбуждавшейся от этих криков. Никто не пытался их успокоить, но в конце концов, всё обошлось без инцидентов... Прежде чем Черчилль снова сел на поезд в Газе, ему подали петицию, подписанную ведущими мусульманами города. В ней излагались их надежды на создание в Палестине арабского государства и выражался протест против еврейской иммиграции... 25 марта в Хайфе прошла арабская демонстрация (NB!: христианско-мусульманская. – А. С.) с протестом против еврейской иммиграции... В связи с тем, что во время демонстрации наблюдались акты насилия, полиция была вынуждена открыть огонь. Были убиты 13-летний мальчик-христианин и арабка-мусульманка. Вслед за этими действиями полиции в Хайфе начались антиеврейские волнения, в ходе которых десять евреев и пять полицейских были ранены ножами и камнями” (72-74).

Через неделю британской полиции пришлось вновь применить оружие против арабов, собравшихся толпой, чтобы выразить протест против Декларации Бальфура. В этот день 29 марта король Абдалла посетил мечеть Омара, где пытался поговорить с возмущёнными арабами (на этом месте спустя тридцать лет его застрелит мститель-палестинец). Но его прервали крики “Палестина для арабов!” и “Долой сионистов!” Ситуация сразу накалилась, и трудно сказать, чем бы закончилось дело, но вновь вмешалась полиция...

Таков был кровавый пролог к осуществлению пресловутой Декларации Бальфура и планов сионистов. Как видим, с самого начала британцы начали убивать арабов из-за евреев. Потом арабы начнут из-за евреев убивать самих

британцев. Наконец, убивать британцев станут уже евреи сами за себя. Ответственность за всё это лежит на участниках сионистского сговора и, в первую очередь, на Черчилле.

Черчиллю, возможно, удалось обвести вокруг пальца честолюбивого Абдаллу, но не арабов, обладавших на удивление ясным и точным пониманием сути дела. 30 марта члены Исполнительного комитета Хайфского конгресса арабов Палестины пришли на встречу с Черчиллем, чтобы вручить ему петицию на тридцати пяти страницах, главная идея которой состояла в том, что «вся Палестина принадлежит арабам и что Декларация Бальфура является огромной несправедливостью» (78–79).

Арабы в этом документе просили Черчилля «во имя справедливости и права» согласиться с пятью требованиями палестинских арабов. «Первое: образование национального очага для евреев отменяется. Второе: создаётся национальное правительство Палестины, ответственное перед парламентом, избранным населением, проживавшим в Палестине перед Первой мировой войной. Третье: еврейская иммиграция прекращается до образования этого правительства. Четвёртое: введённые в действие перед войной законы остаются в силе и не заменяются новыми, пока не начнёт действовать национальное правительство Палестины. Пятое: Палестина не должна быть отделена от братских арабских стран». Этими странами были Сирия, находившаяся тогда под управлением Франции, и Египет, которым управляла британская администрация».

Арабы, надо отметить, сумели заглянуть в будущее, в том числе далёкое, чтобы предупредить Британию: «Если Англия не примет сторону арабов, то это сделают другие державы... От Индии и Месопотамии до Хиджаза и Палестины сейчас доносится призыв к Англии. Если она не прислушается, то, может быть, Россия воспримет этот призыв, а может быть, даже Германия». Голос России, предупреждали палестинские арабы, не слышен среди народов, но «придёт время, когда она себя утвердит».

Именно так всё и будет. Возможно, Черчилль, сам будучи весьма дальновидным политиком, понимал правоту арабов, но отвечал им «немедленно и в резких выражениях: «Вы просите меня, прежде всего, отменить Декларацию Бальфура и запретить иммиграцию евреев в Палестину. Не в моей власти сделать это. Но даже если бы я и мог сделать это, то это не соответствовало бы моим желаниям. Британское правительство устами А. Бальфура дало слово, что оно благожелательно отнесётся к созданию национального очага для евреев в Палестине, что неизбежно включает в себя и иммиграцию евреев сюда. Эта декларация мистера Бальфура и британского правительства была ратифицирована союзными державами-победительницами, когда военные действия ещё продолжались и поражение или победа ещё не были предreshены. Её реализация стала возможной в результате успешного окончания войны, и её следует рассматривать как один из итогов победы в Первой мировой войне».

Британское правительство твёрдо намерено, отчеканил Черчилль, дать сионистам «справедливый шанс» в Палестине (78–81).

Это был откровенный, неприкрытый диктат – диктат победителей.

Vae victis! Горе побеждённым! Черчилль всегда исповедовал этот принцип, и мы не раз ещё с этим столкнёмся. Он лишал арабов всякой надежды, не оставляя им другого выхода, кроме вооружённой борьбы за своё будущее.

При этом министр по делам колоний пытался подсластить пилюлю, словно имея дело с наивными дурачками, а не с древним народом, мудрым и хорошо изучившим своего недруга: «Мы думаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев и хорошо для Британской империи. Но мы также считаем, что это будет хорошо и для живущих в Палестине арабов. Мы полагаем, что при этом они не должны никоим образом пострадать или быть вытесненными из страны, где они живут сейчас, и быть лишены своей доли во всём, что делается для прогресса и процветания Палестины. И тут я должен привлечь ваше внимание ко второй части Декларации Бальфура, которая торжественно и недвусмысленно обещает всем без исключения жителям Палестины полную защиту их гражданских и политических прав» (81).

Обманывал, потому что сам обманывался? Или всё же лукавил? У меня лично нет никаких сомнений: лукавил, конечно...

Между тем, Черчилль использовал свой визит на Ближний Восток не только для того, чтобы обмануть если не всех арабов, то хотя бы их правителей.

Но ещё и для того, чтобы принести оммаж — вассальную клятву на верность сеньору — уже не лондонским сионистам (это было сделано давно), а непосредственно евреям Палестины.

Сразу вслед за арабской делегацией, ушедшей от Черчилля несолоно хлебавши, он принял еврейскую делегацию, которую заверил в своём благоволении. После чего посетил место строительства будущего Еврейского университета, где открыто признался: “Моё сердце полно симпатии к сионизму. Эта симпатия существует уже много лет, ещё с тех пор, как я оказался связан с евреями Манчестера, которых представлял в парламенте. Я верю, что образование еврейского национального очага в Палестине станет благословением для всего мира, благословением для еврейского народа, рассеянного по миру, и благословением для Великобритании. Я твёрдо верю и в то, что оно будет благословением для всех обитателей этой земли, независимо от расы и религии” (77).

Комментарии излишни. Лицом к евреям, спиной к арабам: такую позицию заняла Британия в лице Черчилля на Ближнем Востоке раз и навсегда. Треугольник, как известно, самая жёсткая конструкция; в данном случае все его компоненты “евреи — Черчилль — арабы” окончательно заполучили свои места именно в 1922 году.

За восемь дней, проведённых в Палестине весной 1922 года, Черчилль, 48-летний достаточно искушённый государственный муж, вполне постиг весь расклад сил на подмандатной Англии территории, где он вознамерился создать еврейское государство. Он понимал без иллюзий, что война в том или ином виде здесь неизбежна. И как это было ему всегда свойственно, решительно сделал свой выбор. В пользу войны, разумеется.

Вернувшись в Лондон, Черчилль продолжил работу в намеченном направлении. “На заседании правительства 31 мая при обсуждении долгосрочных перспектив развития подмандатной территории Палестины и требований арабских представителей о немедленном учреждении палестинского парламента и правительства Черчилль объяснил, что он решил отложить формирование представительных учреждений в Палестине “ввиду того, что любой избранный орган несомненно запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев. . . Я не вправе сделать ничего, — объявил он, — что приведёт к ситуации, в которой мы не сможем выполнить наши ранее данные обязательства в отношении сионистов. Я обязан сохранить в руках британского правительства весь объём власти, необходимой для реализации этих обязательств” (90).

Черчилль не ограничился устными выступлениями и разъяснениями, но счёл нужным в том же 1922 году выпустить собственную так называемую “Белую книгу”²⁹ по палестинской проблеме. В ней, как он сам позднее подчёркивал, исходя из текста Декларации Бальфура, “признавались британские обязательства не только по отношению к обитателям Палестины, как арабам, так и евреям, но и по отношению к сионистскому движению во всём мире, которому первоначально и было дано обещание содействовать созданию еврейского национального очага в Палестине”. Черчилль подчёркивал, что британские обязательства были “даны евреям, вне зависимости от того, где они находятся, с целью гарантировать им право обрести еврейский национальный очаг в Палестине”. При этом он добавлял, что “никаких подобных обязательств не было дано в отношении арабов, живших вне пределов Палестины”.

Откровеннее не скажешь! Краеугольный камень политики Великобритании в Палестине оказался заложен прочно, на два с половиной десятилетия вперёд, вплоть до создания государства Израиль. “Белая книга” Черчилля была одобрена Лигой наций, евреям был дан “зелёный свет” для беспрепятственного въезда в Палестину.

Вскоре, после неудачных для либералов всеобщих выборов 1922 года, правительство Ллойд-Джорджа потерпело полное поражение: было сформировано правительство из одних консерваторов, Черчилль вылетел из игры. Он потерял притом и своё парламентское кресло от округа Данди. Но английский избиратель опоздал — Черчилль совершил своё предназначение: еврейский национальный очаг в Палестине был создан.

Первым следствием избранной Черчиллем линии стало постепенное прибытие 400 000 еврейских иммигрантов в Палестину в период между 1922 и 1939 годами (91), чему не смогло помешать никакое сопротивление арабов, не сумевших ни создать своего могущественного лобби, подобного еврейскому,

ни хотя бы развязать индивидуальный террор, как это сделали евреи в пред-революционной России.

Но другим неперемнным следствием этой же позиции стало оставление в Палестине значительного британского воинского контингента как гаранта безопасности евреев, хотя это обходилось Англии в немалую копеечку. казалось бы, чего проще: увести из Палестины английские войска, и пусть там арабы с евреями сами разбираются! Это избавило бы империю не только от непосредственных материальных и человеческих (!) жертв, но и от значительных морально-политических издержек. Однако это противоречило бы избранному вектору политики, согласованному с сионистами. Поэтому Англия будет нести этот свой крест, возложенный на её плечи Черчиллем, до самой бесславной сдачи своего мандата и ухода из Палестины, которым закончилось дело в мае 1948 года...

Боец за дело сионизма

Прежде чем продолжить рассказ, мне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что отношение в высшем эшелоне британской политики к затеям Бальфура и Черчилля вовсе не было положительным в том далёком 1922 году. Поэтому то, что в конечном итоге удалось Черчиллю сделать в Палестине, выпонняя планы сионистов, нельзя назвать иначе, как его личным титаническим сверхусилием, личным неимоверным успехом. Он буквально свернул гору. Вот некоторые подробности.

“Вся британская политика на подмандатной территории Палестины подвергалась ожесточённым атакам. 23 июня член палаты лордов, либерал лорд Ислингтон внёс проект резолюции, согласно которой обязательства Великобритании в отношении подмандатной территории Палестины объявлялись “неприемлемыми”, поскольку сам этот мандат “противоречил чувствам и желаниям громадного большинства народа Палестины”... Лорд Ислингтон провозглашал далее, что “сионизм противоречит всему направлению человеческой психологии нынешнего века”... Состоявшееся голосование продемонстрировало преобладание взглядов лордов-антисионистов; шестьдесят из них проголосовали против Декларации Бальфура и только двадцать один – за неё”.

Такое дружное выступление верхней палаты парламента ставило под удар все усилия сионистов и их главного лоббиста. Результаты их трудов оказались подвешены на волоске. Спас их дело, конечно же, Черчилль, притом практически в одиночку.

“Черчиллю пришлось бороться с резолюцией палаты лордов в палате общин для того, чтобы обеспечить поддержку сионистскому предприятию в Палестине.

... Обсуждение британской политики на подмандатной территории Палестины... в палате общин происходило 4 июля 1922 года...

Произнесённая Черчиллем в парламенте 4 июля речь стала декларацией в защиту британских обязательств по отношению к евреям. Упомянув о Декларации Бальфура, он указал, что парламент никогда не выступал в принципе против той политики, на которой была основана сама декларация... Черчилль отметил, что в ноябре 1917 года “почти каждый государственный деятель в нашей стране поддержал Декларацию Бальфура”.

... Защищая политику Великобритании в Палестине по отношению к евреям, Черчилль сказал: “После того, что мы сказали и сделали, мы не имеем права подвергнуть евреев в Палестине опасности дурного обращения со стороны арабов, которые сейчас настроены против них”. Страхи арабов, что их сгонят с их земли, “попросту иллюзорны”.

... Черчилль заявил также, что если парламентарии считают, что “содержащиеся в Декларации Бальфура обязательства по отношению к сионистам” следует претворить в жизнь, то им необходимо своим голосованием в палате общин аннулировать предыдущее решение палаты лордов, которое фактически перечеркнуло эту декларацию... По мнению Черчилля, при голосовании следовало, прежде всего, исходить из того, что Великобритания обязана превыше всего хранить верность обязательствам, данным “перед лицом всех наций мира”.

... Призыв Черчилля возымел успех. Только тридцать пять голосов были отданы против политики британского правительства в Палестине, в то время

как двести девяносто два – за неё. Его речь стала личным триумфом политика. ... Но после этого голосования предстояло проделать очень большую работу, причём проделать её быстро: Черчилль должен был представить основные принципы британской политики на подмандатной территории Палестины на одобрение Лиги Наций, под чьей юрисдикцией находился палестинский мандат.

Эти принципы были отражены в рамках ежегодной “Белой книги”, ставшей известной как “Белая книга Черчилля”. Эта “Белая книга” сформулировала основные идеи, которые лежали в основе политики британских властей в Палестине.

“Белая книга Черчилля” была представлена в Лигу Наций в Женеве и одобрена Лигой 22 июля. Сионисты осознали, что Черчилль разработал для них такой план, который позволял им продвигаться, пусть и постепенно, к созданию собственного государства в Палестине.

... 26 июля, через несколько дней после одобрения британского мандата в Лиге Наций, Хаим Вейцман направил Черчиллю поздравительное письмо. “Мы передаём вам и всем, кто связан с вами в Министерстве по делам колоний, – писал Вейцман, – нашу самую искреннюю благодарность. Сионисты во всём мире глубоко ценят постоянную симпатию, которую вы всегда проявляли по отношению к их законным чаяниям, и ту огромную роль, которую вы сыграли в обеспечении возможности воссоздания национального очага еврейского народа в Палестине на основе мирного сотрудничества со всеми, кто живёт на этой земле” (102–111).

Итак, настойчиво преследуя заветную цель, не кто иной, как именно Черчилль сумел сделать ситуацию необратимой, используя для этого все мыслимые средства. Даже сегодня, зная всю дальнейшую историю Палестины, Израиля и вообще арабо-еврейских отношений вкуче со всем комплексом международных последствий оных, нелегко определить, что в позиции, в аргументах Черчилля было продиктовано искренними иллюзиями и тем, что я определил как мифологию еврейства, а что являлось откровенным умышленным обманом и ловким лицемерием. Легко предстать, как непросто было разобратся во всём этом современникам, депутатам палаты общин, в частности. Что ж, это позволяет и нам, вслед за Вейцманом, воздать должное талантам Черчилля как оратора, политического манипулятора и, главное, бойца. Что было, то было, не отнять.

* * *

Прогрессирующее возрастание численности и удельного веса евреев в Палестине, в полном соответствии с планом сионистов, стало главным залогом создания на этой земле еврейской государственности. К 1937 году, когда развернулась новая страница израильской эпопеи, еврейская община уже выросла с 80 до 380 тысяч человек и продолжала расти, особенно за счёт польских и германских евреев, стимулированных к переселению политикой нацистов. Это вынуждало британское правительство определиться по отношению к новой реальности, поскольку до того речи о создании в Палестине еврейского государства напрямую никогда не шло. Даже в пресловутой Декларации Бальфура.

И вот “12 марта 1937 года Черчилль был вызван для дачи показаний в королевскую комиссию по Палестине. Эта комиссия была известна как комиссия Пиля, поскольку возглавлял её лорд Пиль, бывший министр по делам Индии. Целью слушаний в комиссии было определить характер британских обязательств по отношению к евреям и арабам и выработать предложения о будущем подмандатных палестинских территорий... Черчиллю было задано более ста вопросов. Его ответы дали точное представление о его взглядах на то, каким должен был быть еврейский национальный очаг в Палестине, как он исторически развивался и каким Черчилль видел его будущее” (141–142).

Как и в далёком уже 1922 году, Черчиллю спустя пятнадцать лет снова пришлось преодолевать, ломать враждебное отношение к сионизму со стороны британского истеблишмента, своих собратьев по классу и по крови, чтобы пробить, успешно пролоббировать в парламенте те представления о должном, которые им были согласованы с сионистами. Как и тогда, он был неукротимо

напорист и неистошимо изобретателен в аргументах, среди которых на первом месте, как всегда, стояла двадцатилетней давности безответственная и злополучная Декларация Бальфура. Его выводы и рекомендации были неизменны: “совершенно очевидно, что наши обязательства перед евреями заключаются в том, чтобы позволить прибыть в Палестину максимально возможному количеству еврейских иммигрантов”; “мы должны выполнить взятые на себя обязательства и насколько возможно содействовать созданию национального еврейского очага в Палестине”; “я считаю, что такое положение дел, когда они стали бы там большинством населения, соответствовало бы духу Декларации Бальфура”.

Наконец, он без обиняков высказал и главное, заветное: “Очевидно, что в своё время мы связали себя обязательством, из которого следует, что когда-нибудь, в отдалённом будущем, здесь возникнет большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек, которое намного превзойдёт нынешнее население этой страны” (142–144).

“Большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек” – это были сильные слова, сказанные исчерпывающе откровенно. Правда, Черчилль утверждал: “Это не случится в течение ближайшего столетия” (147). Но ведь он был хороший диалектик, прекрасно понимавший, что количество (евреев в Палестине) неизбежно перейдёт в качество – и тогда процесс возникновения еврейского государства станет необратим. Он просто, не отвечая за свои слова, заведомо вводил в заблуждение, успокаивал коллег: говорил то, что те хотели услышать.

Как выполнение этого завета о еврейском государстве отразится на арабах, на англичанах? Его ответы на подобные вопросы просто поражают – то ли глуповатой наивностью, то ли запредельным лицемерием.

Например, на вопрос, не будет ли распространение еврейского очага на всю Палестину всё же представлять собой несправедливость по отношению к арабам, Черчилль ответил отрицательно: “В чём заключается грубая несправедливость, если люди приходят и создают в пустыне пальмовые и апельсиновые рощи? В чём несправедливость, если создаётся всё больше рабочих мест и богатства для каждого? В этом нет несправедливости. Несправедливо, если живущие в этой стране оставляют её пустыней в течение целых тысячелетий” (145).

Но напряжение в ходе заседания, больше напоминавшего перекрёстный допрос, было чрезвычайно велико, и порой Черчилль показательно проговаривался, становился искренним поневоле. Вот выразительные примеры.

Депутат Рэмболд спросил его, считает ли он, что еврейская иммиграция в Палестину должна продолжаться, даже если “эта политика приведёт к периодическим всплескам волнений и будет стоить нам жизни наших солдат?” Черчилль заявил на это совершенно бестрепетно: “Все вопросы, связанные с учреждением самоуправления в Палестине, должны вытекать из Декларации Бальфура, центральной идеей которой является идея создания национального очага для евреев. Соответственно мы должны быть готовы ко всем последствиям, которые вызовет осуществление этого плана. Создание еврейского национального очага в Палестине – вот наше главное и основополагающее обязательство. Именно этим и должны определяться все действия Великобритании” (146).

В переводе на человеческий язык, это значило: да, Черчиллю было не жалко жизни английских солдат ради интересов евреев, которые он, играя в высокую принципиальность, пытался прикрыть пустой бумажкой – Декларацией Бальфура, личным, по сути, письмом одного ангажированного чиновника, составленным под диктовку виднейших сионистов.

Другой депутат, профессор Каплэнд, резко возражал против концепции Черчилля о необходимости продолжения еврейской иммиграции, называя её “ползучим вторжением и завоеванием Палестины, продолжающимся более полувека”. “Это неслыханная в истории вещь”, – сказал Каплэнд. И был совершенно прав!

Черчилль резко возразил ему. “Это не ползучее завоевание, – сказал он. – В 1918 году арабы потерпели поражение и оказались под нашей властью. Они были разбиты в открытом бою. Никакого ползучего завоевания не было. Они были побеждены нами. Никто не смел возражать нам в ту пору. И тогда мы решили в процессе политического переустройства этих территорий принять на себя определённые обязательства и в отношении евреев” (148).

Снова прозвучал знакомый мотив: горе побеждённым! Что ж, тоже откровенно, хоть и жёстко. Но есть и второй смысл в этих словах: получается, что англичане сражались и умирали в боях с арабами ради еврейских интересов? По Черчиллю выходило, что да, что так и надо.

Предвзятость, высокомерие по отношению к арабам так и выпирали из ответов Черчилля. Об объективном подходе и речи быть не могло!

Когда Рэмболд заметил, что арабы создали “значительную цивилизацию в Испании”, Черчилль парировал: “Я рад, что их оттуда вышвырнули” (149). Когда Капленд заметил, что Еврейское агентство имеет своё представительство в Лондоне, в то время как у арабов нет такого представительства и они чувствуют к себе холодность со стороны британских властей, Черчилль резко бросил в ответ: “Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе” (153). Ему-то, ясное дело, были ближе евреи, и он хотел навязать свой подход и парламенту, и правительству, и всей Англии, и англичанам. И все они в конечном счёте за это расплатились так жестоко, как только возможно.

И наконец, Черчилль выразился откровеннее, чем когда бы то ни было, высказав свою собственную “декларацию” — декларацию жестокого, беспощадного колонизатора, человека без совести и жалости, последовательного этноэгоцентрика и расиста в худшем смысле этого слова. Когда глава комиссии Пиль заявил, что Великобритания “будет испытывать угрызения совести, зная, что она год за годом притесняла арабов, которые всего лишь хотели оставаться в своей собственной стране”, Черчилль ответил настоящей отповедью. Он сказал: “Я не считаю, что собака на сене имеет исключительные права на это сено, даже если она лежит перед ним очень длительное время. Я не признаю такого права. Я не признаю, например, что какая-то великая несправедливость была совершена по отношению к американским индейцам или к аборигенам в Австралии. Я не признаю, что этим людям был причинён ущерб в результате того, что более сильная раса, более высокоразвитая раса или, во всяком случае, более умудрённая раса, если можно так выразиться, пришла и заняла их место” (154-155).

Здесь, в этих словах, весь моральный облик Черчилля, его ценности, его глубинные мотивы и руководство к действию — как на ладони. В них чётко и совершенно неприкрыто выражено кредо оккупанта, претендента на мировое господство, почище, чем у Гитлера, — они были ягодами одного поля. Мы, русские, всегда должны помнить об этих его словах, ибо в любую минуту они могли бы быть обращены и в наш адрес. Мы ведь, с нашими ископаемыми богатствами, тоже, с подобных позиций, — собака на сене!.. А заявленная в них логика с лёгкостью была бы применена к нам не Гитлером, а самим Черчиллем, сложись всё немного по-иному.

Помни, не забывай об этом, Иван! И будь всегда бдителен, имея дело с англичанами, людьми Запада вообще.

Но вся прелесть в том, что эти слова и эта логика были использованы в обоснование и в защиту особых прав не англичан в Палестине, а евреев по отношению к арабам. Кто поистине был уже к тому времени для Черчилля “своим”?

Как Черчилль вооружил евреев на вечный бой

Усиливающаяся лавинообразно иммиграция евреев в Палестину неизбежно вела к обострению арабо-еврейских отношений. Это породило, в свою очередь, две проблемы: 1) на повестку дня встал вопрос о разделе Палестины на две независимые друг от друга части: поменьше — для евреев и побольше — для арабов; 2) евреи поставили вопрос о необходимости вооружиться “для самообороны”. Конечно же, евреи не могли обойтись без Черчилля для оптимального с их точки зрения решения проблемы.

Но тут их взгляды неожиданно разошлись. Ибо Черчилль, если можно так выразиться, оказался бóльшим сионистом, чем сами сионисты. Дело в том, что идею немедленного раздела Палестины поддержал Хаим Вейцман, “предпочитавший образование маленького государства прямо сейчас перспективе создания большого государства в относительно отдалённом будущем” (156). Вейцман, так сказать, предпочёл поучить синицу в руки, нежели журавля в небе. О чём он и заявил на известной встрече с Черчиллем и “тиграми сионизма” в 1937 году. Черчилль же категорически протестовал против такой

минимизации требований и требовал от евреев ждать своего часа, целенаправленно проводя ту же политику массовой иммиграции, и “держаться, держаться”. Он считал, что созданное там еврейское государство должно включать в свой состав всю Палестину, от Средиземного моря до реки Иордан. Время подтвердит его правоту.

В этом споре на стороне Черчилля оказался и поддержал его своими соображениями весьма специфический исторический персонаж – ещё один лидер сионистов Владимир-Зеев (Вольф Евнович) Жаботинский, встречу с которым Черчиллю за две недели до дебатов по разделу Палестины организовал Джеймс де Ротшильд в своём поместье. “Если Вейцман был общепризнанным, всем известным и дипломатичным лидером главенствующего направления в сионизме, то Жаботинский являлся харизматичным главой воинственно настроенного нетерпеливого крыла “ревизионистов” и его молодёжного подразделения – Бейтара” (160). Гилберт, правда, забыл разъяснить, что такое Бейтар. Это еврейские террористы, кровавые боевики, негласная сионистская армия. И сам Жаботинский, организатор первого еврейского “отряда самообороны” в России (таких же боевиков, попросту), затем создатель сражавшегося с турками Сионского корпуса, а ныне глава крайне радикального Всемирного союза сионистов-ревизионистов, жил с руками по локоть в крови. Весной 1920 года англичане даже приговорили его к 15 годам каторги за организацию боевых вылазок евреев против арабов, но после амнистировали. В отличие от дипломатичного легитимиста Вейцмана, Жаботинский исповедовал силовое давление как на арабов, так и на британские власти в Палестине. Свои взгляды он изложил в культовых статьях “О железной стене” и “Этика железной стены” (1924). Будучи к тому же убеждённым противником коммунизма и социализма, Жаботинский вполне закономерно заслужил у своих оппонентов прозвище “фашист”. В 1930 году британские власти были вынуждены запретить Жаботинскому въезд в Палестину, после чего “он направился в Восточную Европу, заражая еврейские массы лозунгом образования еврейского государства по обе стороны Иордана и призывая к массовой эмиграции. Он надеялся направить в Палестину таким путём до полутора миллионов иммигрантов” (160).

Обогатившись, как пишет Гилберт, новыми аргументами от Жаботинского, Черчилль своей речью в палате общин 21 июля 1937 года сумел убедить парламент не принимать “продиктованного отчаянием” решения о разделе Палестины. Результат вполне удовлетворил оратора, ведь он, по сути, создал первоначальные границы Израиля в максимальном варианте. Желая умиротворить сионистов, Черчилль спустя неделю в разговоре с бароном Мелчеттом, который одновременно дружил и с ним, и с Вейцманом, настаивал на том, что раздел Палестины был бы ошибкой и что он друг сионизма и “сделал бы всё возможное, чтобы помочь им; но он не собирается быть бóльшим сионистом, чем сами сионисты” (167-168). Парадокс: Черчилль лучше понимал и последовательнее отстаивал интересы евреев, чем даже сам Хаим Вейцман!

Отказ от раздела Палестины жёстко ставил сионистов перед необходимостью наращивать там удельный вес евреев, добиваться изменения положения меньшинства, расширения контроля над всей территорией. А это можно было сделать, только увеличивая поток иммигрантов. Погромы “Хрустальной ночи” с 9 на 10 ноября 1938 года и новый подъём антисемитизма в Германии сильно поспособствовали решению этой задачи. Все сионисты использовали этот козырь для пополнения еврейского населения Палестины. И ради этого готовы были даже сотрудничать с Гитлером.

Перед Черчиллем же встала новая важнейшая задача: добиться британских санкций на расширение иммиграционной квоты. “В ходе дебатов в палате общин 24 ноября Черчилль произнёс убедительную речь... Цитируя ежегодные отчёты с данными о переписи населения, предоставляемые в Лигу Наций, Черчилль отметил, что за прошедшие пятнадцать лет, в период между 1923-м и 1938 годом, прирост арабского населения составил 300 тысяч человек, а еврейского – 315 тысяч человек. “Поэтому мне кажется, что... правильным решением было бы установление правила, согласно которому еврейская иммиграция в Палестину не должна быть меньше роста арабского населения” (192).

Хитрый трюк! Это означало бы быстрый рост удельного веса евреев, поскольку их прирост в процентном отношении был бы гораздо выше. Те же

300 тысяч для арабов – это относительно небольшая, а для евреев – огромная цифра. На словах получалось, что Черчилль предлагает ограничить уровень иммиграции (и так это поначалу и восприняли обидевшиеся на него сионисты)³⁰. А что на деле? На деле под видом квотирования он предлагал вдвое увеличить поток евреев-мигрантов по сравнению с фактическим: “Такая политика, по расчётам Черчилля, должна была привести к тому, что численность ежегодной еврейской иммиграции должна была быть ограничена цифрой от 30 000 до 35 000 человек. Это было значительное число, в три раза превышавшее действительные размеры еврейской иммиграции за 1937 год, которая составила лишь чуть больше 10 000 человек, и в два раза больше иммиграции за 1938 год, составившей 15 000 человек” (194).

А поскольку некоторые парламентарии выразили беспокойство, что арабы не согласятся и на урезанную иммиграционную квоту, то Черчилль в своей циничной манере, не колеблясь, прибег к шантажу и давлению: “Если арабы откажутся прийти к какому-либо соглашению, то иммиграция тогда вообще не будет ограничена никаким определённым пределом. . . Если согласия с их стороны не последует, то мы будем для обеспечения своей безопасности полагаться на другие факторы. Однако тогда у нас не будет установлена верхняя планка численного уровня иммиграции”³¹ (194).

* * *

Спрашивается, на какие “другие факторы” собирался полагаться Черчилль? Только ли на британские вооружённые силы? Нет. Как уже говорилось выше, проблема создания собственных еврейских вооружённых сил давно стояла на повестке дня у сионистов, ввиду разрастания арабо-еврейского противостояния, вызванного иммиграционной еврейской лавиной.

Однако задача вооружить евреев для борьбы с арабами должна была иметь благовидное обоснование. Оно нашлось через год, сразу после начала Второй мировой войны, в беседе новоиспечённого первого лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля с Хаимом Вейцманом, приглашённым на обед непосредственно в адмиралтейскую резиденцию. На встрече Черчилль предложил, чтобы Вейцман “подготовил список необходимых условий” в связи с возможным участием палестинских евреев в военных усилиях Великобритании. В ответ Вейцман указал, что 75 тысяч молодых еврейских мужчин и женщин в Палестине уже “зарегистрировались для национальной военной службы, чтобы сражаться в составе британских вооружённых сил там, где это может понадобиться”. Черчилль спросил, вооружены ли они, и, получив отрицательный ответ, сказал, что “он должен вооружить их”. Если евреи будут вооружены, сказал Черчилль, то можно будет вывести британские войска из Палестины (206-207).

Вот так и договорились. Вторая мировая война отлично сгодилась как предлог для вооружения палестинских евреев. О том, как и против кого потом будет использовано это оружие, речь, конечно же, не шла. Но умные собеседники прекрасно понимали, что ни отнять оружие по миновании надобности, ни указывать евреям, против кого его повернуть, никогда уже не получится, коль скоро 75 тысяч человек сольются в первоначальную еврейскую армию. Тем более, если британская войска окажутся выведены из Палестины для переброски на фронт. Блестящие умы!

“Черчилль добавил, что верит, что если евреи будут вооружены, то “арабы придут к соглашению с ними”. Это были ободряющие слова, сказанные с искренними намерениями. . .” (207). Ларчик открывался просто: куда бы арабы делись перед лицом вооружённых евреев!

Но кабинет не терял головы, и первая попытка Черчилля вооружить евреев Палестины сорвалась. Однако он уже чётко обозначил свои намерения, а отступать не привык. И тут случилось то, что должно было случиться: 10 мая 1940 года Черчилля назначили премьер-министром. Характерную реакцию это сообщение вызвало на Ближнем Востоке. По воспоминаниям некоего Бена Гейла, находившегося в тот момент в Тель-Авиве, на лекции преподаватель вдруг прервался, чтобы зачитать вслух поступившую записку: “Чемберлен отступил. Теперь Черчилль стал премьер-министром”. В ответ на это “в большом зале все встали и горячо приветствовали сообщение. С Черчиллем у руля

появлялась надежда и у евреев Палестины” (216). Конечно, они хорошо знали, *who is who*.

Вооружению палестинских евреев противился министр по делам колоний лорд Ллойд, который боялся “наихудшей возможной реакции арабского мира”. Но Черчилль возражал ему как премьер и как министр обороны: “Наша главная и практически единственная цель в Палестине в настоящее время заключается в том, чтобы высвободить одиннадцать батальонов отличных регулярных войск, находящихся там. С этой целью евреи должны быть как можно скорее вооружены и соответствующим образом организованы для того, чтобы образовать силы самозащиты Палестины... Мы не вправе оставить их безоружными, когда наши войска уйдут, а они должны уйти как можно скорее”.

Его позицию неожиданно поддержал лорд Лотиан, британский посол в США, приславший телеграмму, сообщавшую, что американские евреи хотят, чтобы палестинские евреи были организованы в вооружённые отряды под командованием британцев. “Если Палестина подвергнется нападению, и евреи не смогут защитить свою страну, это вызовет прискорбную реакцию американского еврейства” (217).

На первое время был найден компромисс: 20 тысяч евреев-добровольцев влились в британскую армию, но эти пятнадцать батальонов были отправлены в Египет против немцев и итальянцев. (Воображаю, как обрадовались арабы Египта таким защитникам! Нет, чтобы их отправить на европейский фронт...)

В 1941 году Вейцман вновь стал настаивать на создании “отдельной еврейской армии, со своими знаками отличия и собственным знаменем”, обещающая сформировать целую дивизию в составе 12 тысяч человек. Это не были пустые слова. К тому времени у палестинских евреев уже была своя вооружённая до зубов боевая организация “Хагана”, действовавшая с 1920 года нелегально, подпольно, но эффективно³². В 1938 году она превратилась в военное крыло Еврейского агентства, руководимого Вейцманом, так что тот знал, что обещал Черчиллю. В мае 1941 года “Хаганой” были созданы две “ударные роты”, год спустя их число было доведено до шести. Весной 1941 года бойцы “Хаганы” под британским командованием осуществили ряд диверсионных рейдов в Сирию. А когда в 1944 году в рамках британской армии была, наконец, создана Еврейская бригада, многие участники “Хаганы” влились в неё. Были у евреев наряду с “Хаганой” и иные вооружённые формирования, действовавшие, не спросясь у англичан³³.

Однако кабинет твёрдо противился созданию регулярной еврейской армии, и Черчилль в марте 1941 года сообщил Вейману, что решение этого вопроса вынужденно откладывается, но при этом заверил его в том, что “никогда не подведёт” старого друга (229).

Его феноменальная настойчивость вновь одержала верх. По мере того, как немцы и итальянцы продвигались по землям Египта всё ближе к Суэцкому каналу, Британия, наконец, одобрила план самозащиты еврейской общины и позволила ей соорудить укрепления на стратегических высотах. Кроме того, 6 августа, после успешного наступления немцев, в Палестине “был объявлен призыв добровольцев, арабов и евреев, в результате чего был создан Палестинский полк. Добровольцев оказалось достаточно для формирования трёх еврейских и одного арабского³⁴ батальона с британскими знаками различия и знамёнами” (238-239). Это был шаг с далёкими последствиями. Лиха беда начало...

Когда в 1948 году свежееиспечённое государство Израиль формально озабочилось созданием своей армии, для этого уже было всё давно готово. Проверка Израиля на прочность была осуществлена арабами немедленно по уходу англичан, сразу же, в мае 1948 года. Она показала: труды и заботы сионистов и Черчилля по милитаризации еврейской общины были не напрасны. Израиль выстоял.

Хотел ли того Черчилль, понимал ли он это или нет, но его политика в Палестине неизбежно привела со временем к бесконечной кровавой расправе евреев и арабов, у которой нет и не может быть мирного исхода никогда.

В этой расправе пострадали и сами англичане по русской поговорке “во чужом пиру похмелье”. Подробнее об этом я скажу в своём месте, здесь же только процитирую историка Вадима Кожинова: “Определённая часть находившихся в 1940-х годах в Палестине сионистских боевых структур воевала не

только с арабами, но и — как сообщает в своей изданной в 1981 году в Мюнхене книге “Второй Израиль для территориалистов?” своеобразный еврейский идеолог Б. Ефимов — “продолжала вооружённую борьбу против английских властей, то есть они фактически участвовали в войне на стороне Гитлера, а некоторые из них даже вели с нацистами переговоры о создании еврейско-нацистского союза против Великобритании (интересно отметить, что крупнейшую из организаций, продолжавших войну против англичан, возглавлял будущий премьер-министр Израиля Бегин)”³⁵. Задачу противостояния британским властям в целях выполнения программы сионизма выполняла и пресловутая “Хагана”.

У порога нового еврейского государства

15 февраля 1944 года премьер-министр Британии сэр Уинстон Черчилль в очередной раз обедал тет-а-тет с Хаимом Вейцманом. Разговор, естественно, шёл о судьбе еврейской общины. Коллеги-сионисты, с волнением ждавшие итогов, спросили потом Вейцмана, поддержал ли Черчилль их надежду на создание еврейского государства в Палестине. “Да, его позиция обычно всегда обнадеживающая, — открыл им Вейцман. — У нас нет причин для беспокойства, потому что у нас есть очень хороший ответ” (256).

А в ноябре того же года эта же пара политиков, сидя в имени Черчилля, уже обсуждала границы будущего Израиля по окончании войны. Это была, по словам Вейцмана, “длительная и очень дружественная встреча”. Черчилль пояснил, что он, как и сам верховный сионист, стоит за включение пустыни Негев в состав еврейского государства: “Если бы евреи могли получить всю Палестину, — добавил Черчилль, — это было бы хорошо”. Вейцман же сообщил Черчиллю, что они имеют в виду принимать около 100 тысяч евреев в год в течение примерно пятнадцати лет. Черчилль спросил, означает ли это что-то вроде полутора миллионов, на что Вейцман ответил, что “это действительно так — для начала” (277).

Только теперь Вейцман вполне раскрыл свои карты, но Черчилль вновь его всецело поддержал. Такое развитие событий выдилось им обоим в качестве победного итога Второй мировой (Черчилль настаивал из дипломатических соображений: “ничто не должно решаться до конца войны”, — но по сути они обо всём уже условились). Что кто ни говори после этого, а мы понимаем, что Израиль был состряпан Вейцманом и Черчиллем, в первую очередь. Хотя, конечно, не только ими, но ими — в первую очередь.

Ближе к окончанию войны, как пишет Гилберт, “Черчилль продолжал искать решение, которое позволило бы создать сионистское государство, благодаря которому 517 000 евреев, живших тогда в Палестине, то есть меньше трети всего населения, должны были получить собственное государство, которое не зависело бы от милости враждебного арабского большинства и могло бы самостоятельно управляться хотя бы в рамках той части территории страны, которую надеялись получить представители еврейской общины” (286).

Эта тема волновала, конечно, не только евреев и Черчилля. В начале 1945 года Саудовская Аравия, Египет и Ирак вдруг забеспокоились насчёт намерений Великобритании и США в отношении будущего Палестины. Но это беспокойство явно запоздало: число евреев выросло там к концу войны в 6,5 раза! Количество, по закону диалектики, перешло в качество. Создание независимого еврейского государства становилось закономерным и неизбежным следствием этого наплыва еврейских иммигрантов.

Против такого следствия пытался возразить король Аравии Ибн-Сауд, специально добившийся с этой целью встречи с Рузвельтом. Дело в том, что к концу войны стало ясно, что, несмотря ни на какие мандаты, Великобритания более не способна решать ни судьбы мира, ни даже судьбу крохотного клочка земли на Ближнем Востоке. Роль хозяйина перешла на обозримую перспективу к Америке, и в руках Рузвельта были отныне те весы, на чашах которых колебалось будущее двух ветвей семитской расы. Это понимал и Черчилль, пытавшийся влиять на американского президента, и все другие участники ближневосточной драмы.

Рузвельту самому далеко не всё было ясно относительно этой драмы, и он вовсе не был сторонником сионизма, в отличие от Черчилля, зато был горячим поклонником арабской нефти, которую намеревался без проблем добывать для Штатов. Поэтому ему хотелось выслушать все стороны, и он начал

обсуждение с того, что попросил у короля совета относительно дальнейшей судьбы “еврейских беженцев, изгнанных из своих домов в Европе”. Король ответил: “Евреи должны возвратиться в те страны, откуда они были изгнаны, и жить там”. И тогда “Рузвельт заверил Ибн-Сауда, что он “не сделает ничего, чтобы помочь евреям в борьбе против арабов, и не сделает ни одного шага, враждебного арабскому народу”, и что его администрация не изменит свою политику в Палестине “без полной предварительной консультации с евреями и арабами”. Рузвельт предложил, чтобы король оказал поддержку дипломатическим миссиям арабских стран в Великобритании и Соединённых Штатах в выдвижении аргументов против планов сионистов, потому что, как сказал президент, “многие люди в Англии и Америке оказываются дезинформированными”.

Иными словами, мудрый, искушённый политик, Рузвельт предложил арабскому королю развернуть антиссионистскую пропаганду в мировом масштабе. Без этого, он понимал, ничего изменить уже не удастся. Но король не оценил совет Рузвельта...

А тем временем Черчилль не дремал и в то же время в том же месте также ждал аудиенции у Рузвельта. В отличие от араба, англичанин сразу сообразил, что Рузвельту “жить осталось недолго”. Свою задачу Черчилль понял верно: надо тянуть время. И немедленно направился через пустыню в “Отель дю Лак” на встречу с Ибн-Саудом, которого попросту обвёл вокруг пальца, заверив, что Великобритания не допустит вооружённого нападения евреев на арабов: “Мы контролируем моря и легко можем лишить их снабжения. В то же время евреи должны иметь место, где жить, — другими словами, иметь возможность жить в Палестине. Он никогда не выступал за то, чтобы Палестина была превращена в еврейское государство, он лишь за создание еврейского национального очага в Палестине”. Он-де надеется, что может рассчитывать на содействие короля, чтобы обеспечить “твёрдый и постоянный порядок при совместном проживании евреев и арабов в Палестине” (291).

На время ему удалось затуманить сознание короля. Но через шесть недель Черчилль получил от Ибн-Сауда письмо, в котором тот настаивал, что образование еврейского государства в Палестине “станет смертельным ударом для арабов и постоянной угрозой миру. Еврейские амбиции не ограничиваются одной Палестиной. Их приготовления показывают, что они намерены предпринять враждебные действия против соседних арабских государств”. Евреи готовятся “установить своеобразную форму нацизма или фашизма на виду у демократических стран и посреди арабских стран”. Как в воду смотрел король! Но изменить ничего уже не мог...

Последнее усилие

Мировая война неизбежно шла к концу, а евреи — к созданию государства Израиль. Но в этом процессе на самом финише Черчилля ожидал личный крах, повлёкший за собой перемену в его роли на Ближнем Востоке.

Черчиллю не дали самому довести дело евреев в Палестине до победного конца и пожать все надлежащие лавры, т. к. консерваторы и он сам потерпели фиаско на выборах летом 1945 года. Все вопросы взаимоотношений Великобритании и Палестины оказались в ведении нового премьер-министра, представителя британских лейбористов Клементы Эттли. Однако за всю жизнь сэра Уинстон сумел сделать для создания Израиля столько, что предопределил необратимость последствий и итоговый результат. Ему оставалось лишь в пух и прах критиковать лейбористов, втихоря потирая руки и перемигиваясь со своими еврейскими друзьями. Черчилль не знал ни о неблагодарности евреев в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать (!) и продолжал работать и интриговать в их пользу изо всех сил.

Главная идея Черчилля в отношении Палестины состояла по окончании войны в том, чтобы устранить Англию от участия в решении этого вопроса и тем самым окончательно развязать руки сионистам. 6 июля 1945 года он написал министру по делам колоний Оливеру Стэнли и начальникам штабов британских вооружённых сил, послав копию этого письма министру иностранных дел Антони Идену: “Я не считаю, что мы должны брать на себя ответственность за управление этим трудным регионом, пока американцы спокойно сидят и критикуют нас. Нам надо задаться вопросом, не следует ли нам попросить их взять всё это на себя? Я считаю, что чем теснее они окажутся

связанными с проблемами средиземноморского региона, тем мы станем сильнее. Во всяком случае, то обстоятельство, что мы никак не демонстрируем желание сохранять британский мандат в Палестине, очень нам помогает. Лично я не вижу даже малейшего преимущества для Великобритании от этого болезненного и неблагодарного занятия. Настала очередь кого-то ещё” (305-306).

Если Соединённые Штаты не желают “прийти и разделить с нами бремя содействия делу сионизма, – разъяснял Черчилль палате общин 1 августа 1946 года, – тогда Великобритания должна немедленно заявить, что мы возвратим британский мандат Организации Объединённых Наций”. В ответ на эту речь Хаим Вейцман писал Черчиллю на следующий день: “Я хочу надеяться, что судьба вручит вам решение нашей проблемы, которая к настоящему времени уже могла бы быть решена, а мы могли бы быть избавлены от многих несчастий” (320). Хитрецы всё просчитали. Ведь евреи уже были готовы взять дальнейшую свою судьбу в свои руки. Как публично признал Черчилль, “евреи-сионисты всего мира и палестинские евреи... больше не нуждаются в нашей помощи для защиты своего национального очага против враждебно настроенных местных арабов” (313). И они могли отбросить Великобританию, как ракету-носитель, выведшую их на заданную орбиту и ставшую теперь лишь обузой.

Цинизм Черчилля был поистине безграничен. Теперь, когда его титаническими трудами Палестина превратилась в пороховую бочку, готовую вот-вот рвануть большой этнической войной, из которой должно было родиться новое государство евреев, он принялся убеждать свою страну в том, что Великобритания лучше уйти из региона. 31 января 1947 года он внушал парламенту: “Цена поддержания порядка в этом регионе составляет от 30 до 40 миллионов фунтов в год – денег, в настоящее время просто утекающих прочь”. А сто тысяч солдат, расквартированных в Палестине, “составляют очень значительную часть нашей армии. Сколько ещё времени они должны находиться там? И для чего находиться?” И впрямь: ведь теперь евреи могли и сами себя защитить. И бывший премьер резюмировал: “Я никогда не видел, чтобы была получена меньшая отдача за приложенные усилия, чем это происходит в Палестине” (224). Можно подумать, что в бытность его у руля империи это было не так!

Черчилль и на этот раз победил, уже будучи простым депутатом парламента, лишённым власти, но не права голоса, которым так мастерски пользовался. “В результате дебатов 31 января 1947 года лейбористское правительство Великобритании приняло решение вернуть палестинский мандат в Организацию Объединённых Наций. Это решение кабинета было опубликовано две недели спустя” (325).

Действие британского мандата на управление Палестиной закончилось 14 мая 1948 года. В тот же день Давид Бен-Гурион провозгласил создание независимого государства Израиль. Как Советский Союз, так и Соединённые Штаты сразу признали Израиль. Нелепо и нелогично, но Великобритания отказалась сделать это – с опозданием разыграли имперские амбиции, когда страна поняла, что её обдурили. Точнее, что её нагло дурили все минувшие годы. По сути, непризнание Великобританией Израила было равносильно признанию в собственной глупости, в постыдных просчётах. Попытка махать кулаками после драки...

Черчилль не был бы Черчиллем, если бы не положил на это историческое полотно свой последний мазок. 22 января 1949 года он “страстно выступил” в парламенте по поводу непризнания Израила. Настолько страстно, что “в конце дебатов, после того, как все парламентарии выслушали речь Черчилля, было оглашено специальное заявление лейбористского правительства о том, что Великобритания собирается признать государство Израиль” (342). А через девять дней после его выступления Израиль получил-таки от Англии подарок: официальное признание.

Черчилль додавал всё же своих соотечественников. Вот тогда и настал его полный и подлинный триумф в долгой палестинской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. – New Haven: Yale University Press, 2007.

² Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. – М.: АСТ, 2008.

- ³ <http://callofzion.ru/pages.php?id=1085>. Источник: ЛЕХАИМ – ежемесячный литературно-публицистический журнал. ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770 – 11 (211).
- ⁴ Отмечу собрания архивов Правления организации британских евреев, Всемирного сионистского движения, Министерства обороны Израиля, Государственного департамента США, Д. Бен-Гуриона, Х. Вейцмана, Н. Чемберлена, Д. Эйзенхауэра, Д. Ллойд-Джорджа, Г. Трумэна и мн. др.
- ⁵ Все ссылки на страницы этой книги даны в скобках в конце цитат.
- ⁶ Дизраэли достоин высокой чести быть захороненным в главном соборе Англии, в Вестминстерском аббатстве, где его мраморный памятник в полный рост (но, разумеется, в размере, намного превышающем оригинал) стоит среди церковной утвари и скульптур. Собор, битком набитый бюстами, памятниками, пышными надгробиями, памятными плитами и досками, вообще представляет собой захребтную ярмарку тщеславия, но монумент Дизраэли выделяется особо своей напыщенностью.
- ⁷ Как показал в своих работах Иаков Кац (“Евреи в средневековой Европе (Замкнутость и толерантность)”. – Иерусалим, 1992; “Кризис традиции на пороге Нового времени”. – Иерусалим, 1991), стены всех гетто всегда строились с двух сторон.
- ⁸ Здесь замечу только, что среди убитых еврейскими террористами был даже министр-резидент Великобритании в Каире и личный друг Черчилля лорд Мойн. Однако, подчёркивает Гилберт, “как ни раздражён и огорчён был Черчилль убийством Мойна, это убийство не поколебало его глубинной симпатии к сионистам” (284).
- ⁹ Б. Барух – влиятельный американский финансист и политик еврейского происхождения. Во время Первой мировой войны стал главой Военно-промышленного комитета и сыграл ключевую роль в переориентировании американской промышленности на военные нужды. Затем был личным экономическим советником президента Т. В. Вильсона, после чего оставался неизменным спутником президентов Гардинга, Гувера, Рузвельта и Трумэна. Занимался преимущественно вооружениями, атомной бомбой в том числе.
- ¹⁰ В 1991 году после крушения СССР и восточного блока, которые всегда поддерживали на Ближнем Востоке арабов, а не евреев, Резолюция № 3379 была отменена по инициативе Израиля и США, но это конъюнктурное обстоятельство не отменяет факта её принятия. Что было, то было.
- ¹¹ Черчилль порой ронял замечания о своём “экзотическом происхождении”, но это был лишь отголосок легенды о некоем ирокезе, якобы оказавшемся в числе его предков по материнской линии.
- ¹² В 1929 году, разочаровавшись в Британском союзе фашистов Освальда Мосли, Арнольд Лиз основал Имперскую фашистскую лигу. В 1936 году ему были предъявлены обвинения по факту публикации двух статей в июльском номере газеты “Фашист”. Лиз был признан виновным в антисемитизме и приговорён к 6 месяцам тюремного заключения. В начале Второй мировой войны его интернировали на основании Инструкции 18-В. В 1947 году он снова полгода находился в тюремном заключении.
- ¹³ Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Вагриус, 2001. – С. 173.
- ¹⁴ М. Горький. Владимир Ленин (Л., 1924. – С. 20). Из последующих изданий этот пассаж был удалён.
- ¹⁵ Василий Молодяков. Рождение “Действия” из “дела Дрейфуса”. – Вопросы национализма, № 23, 2015. – С. 55.
- ¹⁶ Он вообще следил за этим деятелем и даже присвоил в будущем для своей знаменитой Фултонской речи не менее знаменитую метафору Клемансо насчёт “железного занавеса”, которым следовало отгородиться от Советской России. С тех пор, как пишет Палм Датт, “во всём мире считают, что этот термин был изобретён гением сэра Уинстона Черчилля”.
- ¹⁷ Кстати – об этом приходится упомянуть – в работе над книгой ему помогал опять-таки еврей, профессор истории Льюис Намьер, которого одно время Черчилль даже прочил в соавторы.
- ¹⁸ Известность Черчилля не только в английских, но и в международных еврейских кругах уже к началу Первой мировой войны была весьма велика и обеспечивала ему симпатии евреев. В частности, об этом говорит такой эпизод. “В его дивизии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Мо-

руа... Позже Моруа писал: “Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немым восхищением” (42-43). Должен пояснить: для нас это непривычно и нелогично, но во Франции французом традиционно называют любого гражданина этой страны, отчего порой возникают нелепые недоразумения.

¹⁹ Парадокс в том, что вскоре проект закона об иностранцах, также ограничительного характера, был внесён уже правительством либералов. И был принят, несмотря на всё противодействие, которое пытался оказать Черчилль этому, по его словам, “глупому законодательному акту”, и на “горькое разочарование” еврейской общины. Черчилль оказался в еврейском вопросе либеральнее либералов, своих однопартийцев, пойдя, таким образом, сразу против двух главных партий своей страны. То есть, против самой Англии, по сути дела. В первый, но далеко не последний раз.

²⁰ Характерная деталь: “В представительстве Еврейского агентства в Лондоне профессор истории Льюис Намьер, с которым Черчилль восемь лет назад консультировался по поводу биографии герцога Мальборо, собирал разнообразные отклики евреев, воодушевлённых новым возвышением Черчилля” (216). Ещё бы! Это был час их торжества, их победы.

²¹ Тот факт, что весомая часть трудов Черчилля посвящена прославлению предков (герцога Мальборо – 6 томов, собственного отца – 2 тома), о многом говорит психологу.

²² “Штерн” (“Звезда”) – подпольная террористическая еврейская организация в Палестине, занимавшаяся политическим убийством британских администраторов на британской подмандатной территории.

²³ Оригинал новости RT на русском: <https://russian.rt.com/article/66812>.

²⁴ Хаим Вейцман возглавлял Всемирную сионистскую организацию в 1921–1931 годах, а журналист и переводчик Нахум Соколов – в 1931–1935 годах.

²⁵ Гарри Сахер (1881–1971) – британский адвокат и сионист. Родился в Лондоне, сын портного, учился в Лондонском и Оксфордском университетах и в Европе. В 1905–1909-м и 1915–1919-м годах – член издательского правления газеты “Манчестер Гардиан”, где занимался политической аналитикой. В 1920 году осел в Палестине, где занимался юриспруденцией и экономикой. Неоднократно избирался в Сионистский исполнительный комитет. В 1930 г. вернулся в Лондон, где издавал англо-еврейские сионистские журналы вроде The Jewish Review, автор ряда книг об Израиле и сионизме. – http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_17232.html

²⁶ Лоуренс Аравийский однажды сказал в интервью британской еврейской газете: “Совсем не являясь евреем, сам я рассматриваю евреев как естественных носителей западных ценностей, столь необходимых странам Среднего Востока” (71). Увы, он всё понимал наоборот: это Запад давно и прочно стал носителем еврейских ценностей... Да и по поводу того, что нужно людям Востока, мне кажется, он заблуждался.

²⁷ Каирская конференция, сразу после которой Черчилль приехал в Палестину, утвердила контуры британской политики на Ближнем Востоке.

²⁸ Характерный момент: “Джеймс Ротшильд, один из ведущих представителей еврейской общины Великобритании и член британского парламента, сразу осознал, что, отдав Абдалле восточную часть подмандатной Палестины и отстранив его от контроля над Западной Палестиной, Черчилль тем самым обеспечил возможность выживания еврейских поселений в Палестине. Тридцать четыре года спустя Ротшильд написал Черчиллю письмо, поблагодарив его за то, что в 1921 году в Иерусалиме он “заложил основы еврейского государства, отделив королевство Абдаллы от остальной Палестины. Без этой меры, продиктованной вашим пророческим предвидением, не было бы сегодняшнего Израиля” (78).

²⁹ “Белая книга” – традиционный термин англоговорящих стран, обозначающий официальное сообщение в письменном виде, разъясняющее государственную политику в том или ином отношении, сопровождающееся, как правило, официальной документацией.

³⁰ По признанию Черчилля, “Великобритания просто не могла позволить себе открыто заявить во всеуслышание, что на территорию Палестины будут прибывать пришельцы, которые станут вытеснять отсюда тех, кто жил здесь столетиями” (341). Это было им сказано в январе 1949 года. Но понимал-то он это всегда, и знал, что делал, тоже всегда, хотя только теперь в этом косвенно признался!

³¹ Позиция Черчилля по этому вопросу всегда оставалась твёрдой и неизменной. Например, 27 апреля 1942 года в меморандуме военному кабинету У. Черчилль

в очередной раз подчеркнул: “Я не смогу ни при каких обстоятельствах согласиться с абсолютным прекращением иммиграции в Палестину по требованию арабского большинства” (237).

³² Британские власти наложили на деятельность “Хаганы” запрет, однако это не помешало ей организовать эффективную защиту еврейских поселений. С образованием еврейского государства “Хагана” стала основой Армии обороны Израиля.

³³ Черчилль как-то заметил по поводу одной из таких структур: “Конечно, арабы им не противники. Люди из “Иргуна” — просто гангстеры” (331). Имелся в виду “Иргун Цваи Леуми”, еврейская подпольная террористическая организация, совершавшая теракты как против арабов, так и против англичан, которых члены организации уже считали “нелегальными оккупантами” еврейской территории.

³⁴ Замечу, что будь политика Черчилля на Ближнем Востоке иной, арабских батальонов на службе Британии могло бы быть не менее тридцати. Поражает лицемерие, с которым Черчилль заявил как-то Вейцману об арабах: они-де “сделали для нас очень мало во время войны и во многих случаях только создавали нам проблемы. Он припомнит это, когда придёт день расчёта”. В том же духе писал он и Комитету начальников штабов, жалуясь на арабов (255). А чего же ждал сей кондотьер сионизма?! На что смел бы надеяться?!

³⁵ Подробно о работе В. В. Кожина, посвящённой Хаиму Вейману, речь в другой моей статье.